

Последнее прости

Автор:

Евгения Михайлова

Последнее прости

Евгения Михайлова

Детектив-событие Частный детектив Сергей Кольцов

Олег уже несколько лет был для Милы и отцом, и нянькой. Кормил с ложечки кашей, выискивал самые дорогие лекарства. Бесполезно! В обездвиженном немом существе жили только глаза. Умолявшие прекратить невыносимые страдания, спасти от жизни в аду беспомощности и боли...

Катя всегда грелась в лучах любви и славы. Обожающий муж, успешная доходная работа, признание кинокритиков. Налаженная жизнь дала сбой, когда на горизонте появился Он, Олег, – прекрасный и единственный. И стал дороже семьи, удачи и доброго имени.

Их преследует обвинение в убийстве, терзает дурная молва, мучают обязательства перед близкими, между ними стена подозрений и недоверия.

Любовь разрушает мир и создает его, оправдывает ложь и покрывает зло, сама оставаясь беззащитной...

Евгения Михайлова

Последнее прости

Пролог

Катя проснулась, сразу все вспомнила и в ужасе открыла глаза. С ней не могло это произойти. Две недели назад она была совсем в другой жизни. Киев, отцветающие каштаны, завораживающая гладь Днепра, лихая взвинченность всех нервов на последнем этапе съемок фильма по ее сценарию... По вечерам Катю ждали актеры из их группы в гостинице, чтобы посидеть, поболтать, расслабиться, звал в гости на свою чудесную дачу композитор, возил к друзьям режиссер. Кате везло. Когда снимался фильм по ее сценарию, всегда подбирался коллектив, который загорался общей идеей, все старались внести что-то свое... Было интересно. Было... Все оборвалось внезапно. Они вышли из машины у гостиницы, Катя вдруг упала. Ей показалось, что она споткнулась. Ей потом сказали, что она какое-то время была без сознания. Она плохо помнит путь в Москву, все, что было дома. Врезались в память растерянные глаза мужа, решительные команды сестры Лары, которая возила ее к знакомым профессорам... И вот она здесь, в маленьком отделении известного института, в приюте для обреченных. Заведующий отделением профессор Вятский сказал Ларе: «Я ее беру», и это уже являлось приговором. Потому что он едва ли не единственный ученый, который положил жизнь на борьбу со страшным и непонятным заболеванием – БАС. Боковая спинальная атрофия. Так называется медленная, мучительная смерть, когда постепенно, начиная со ступней, отмирают все мышцы. А мозг, скрывая тайну причины заболевания, ясно и четко этот процесс наблюдает. Так было с Мигулей, со многими молодыми, яркими, талантливыми людьми. С другими. Катя не могла поверить, что эта катастрофа была запланирована и ее судьбой... Она подняла голову, посмотрела на три кровати в палате. Девочки еще спят. Красивые, хорошие девочки. Галя, Лена, Марина.

Она тихонько сняла со стула свой шелковый темно-красный халат, скользнула в него, встала, на секунду ей показалось, что она сейчас легко пробежит путь до порога палаты, но тут же вернулись слабость, неуверенность, страх преодоления. И она медленно пошла, цепляясь рукой за спинки кроватей, стулья, стены... В ванной сначала умылась, потом посмотрела в зеркало. Господи! Девушка, я вас первый раз вижу. Бледное-пребледное лицо, страдальческие темно-серые глаза, синева под ними. Катя расчесала и стянула резинкой в хвост густые длинные каштановые волосы, вышла, добралась до лестницы, спустилась в больничный сад. Вот ее любимая вишня, на которой уже созревают розовые ягоды. Птицы попискивают. Жизнь продолжается, и она с каждым днем кажется ей все более пленительной и драгоценной. «Уходящая

натура», – вспомнила она голос своего режиссера. Он так говорил о смене времен года. Сейчас уходящая натура – это она, Катя.

Потом был суматошный, путаный день, с визитами врачей, уколами, происшествиями... Ну, что у них за происшествия. Проходит по коридору медсестра и громко говорит, заглядывая во все двери: «Никому не выходить, пока не скажу». Это значит одно: из какой-то палаты вывезут носилки, а на них лежит кто-то, накрытый с головой простыней.

Поздно вечером, почти ночью, приехали актеры с цветами и шампанским. Их пустили, заведующий отделением разрешил, поскольку считал, что Кате нужны положительные эмоции. Они смеялись, рассказывали анекдоты и сплетни. Говорили, как ждут ее: съемки подходят к концу, а с финалом еще полная неясность. Катя тоже смеялась и говорила: «Конечно. Я, как только, так сразу». Когда они ушли, она какое-то время смотрела в окно им вслед, потом почему-то отправилась вдоль по коридору, успокаивая нервы. Только не палата. Только не кровать... То, что произошло той ночью на маленькой лоджии за кладовкой, Катя никогда себе не объясняла, она старалась никогда об этом не вспоминать, но ни на минуту это не забывала... Она почувствовала, что он там до того, как он к ней прикоснулся. Олег. Синеглазый, широкоплечий сорокалетний полковник, который в их отделении ухаживал за парализованной женой Милой. В отделении для обреченных были мужчины и женщины. Мужчины и женщины, для которых пол значения уже не имел. Этого здорового, полноценного, очень обаятельного и приветливого человека Катя заметила сразу. Но не сразу позволила дать себе отчет в том, что он не сводит с нее глаз.

...Ничего подобного она никогда не испытывала. Она и не подумала сопротивляться его сильным рукам, губам, телу... Ей казалось, что она тает, как свечка, в горячем и страстном огне. Тает от блаженства. Может, утром носилки вывезут ее из палаты. Может, вся предыдущая жизнь пролетела в ожидании этой минуты. Ей не было стыдно, она не думала о своем муже, о жене Олега... Потому что это был их час. Они его отстрадали. Отстрадают еще.

К себе она шла, задыхаясь от потрясения. Только в палате подумала о том, что за стены по дороге не держалась. Через несколько дней профессор вызвал ее к себе, долго, интригуя молчал, потом сказал: «Ну, что, моя любимая пациентка. Никогда я не был так рад своей ошибке. Вы практически здоровы. Моя единственная рекомендация – не работать без сна сутками. А к нам – только в гости. Грустно расставаться с вами совсем».

Она задумчиво вышла из кабинета, в коридоре нечаянно попался ей навстречу Олег, она просто сказала:

– Меня выписывают. Я здорова. Приеду на днях к девочкам, увидимся. Сейчас позвоню мужу, чтобы меня забрал, – его вопрос она опередила ответом. – Это все, Олег. Да, был солнечный удар. Я тебе за это благодарна. Мы останемся в своих жизнях. Береги Милу. Знаешь, есть такой рассказ у О’ Генри «Последний лист». Там девушка заболела, решила что умрет, когда с дерева за окном слетит последний лист. И один художник ненастной ночью повесил на это дерево нарисованный лист, который все не слетал. Девушка выздоровела. В общем, людей спасает только чудо. В моем случае им оказался ты.

Часть первая

Глава 1

Катя с удовольствием напечатала слово «конец», с облегчением потянулась, сидя за компьютером, посмотрела на часы. Скоро три – то ли ночь, то ли утро уже. Она дописала сценарий. Режиссер звонил ей последний раз в начале первого, она сказала: «Осталось немного. Не мучай меня пару дней». Завтра он удивится, засуетится, сразу начнет читать, по ходу без конца звонить, задавать вопросы, что-то предлагать, выбирать актеров... Только это завтра Катя оттянет по максимуму. Спать. До двенадцати. Нет, до двух. Собственно, что может помешать ей спать до четырех дня? Ей может помешать голод, вот что. Катя отправилась на кухню, задумчиво рассмотрела содержимое холодильника. Скучно тут, однако. В последние дни на магазины времени не было совсем. Она обнаружила два помидора, коробку с замороженными котлетами в морозилке, пакет молока. Нет, это не пир для утомленного разума. Требуется сладкое, а его нет. Катя заглянула в один из шкафчиков, обнаружила яркий пакетик. Ванильный пудинг. Для этого времени суток и обстоятельств царский подарок. Она достала молоко, и через несколько минут уже лизала горячую, сладкую, вкусно пахнущую массу. Запах победы, отдыха и безмятежного, упоительного ничегонеделания.

Телефонный звонок ее оглушил. В такое время ей могут позвонить, только если что-то случилось. Муж Игорь в командировке... Катя схватила трубку и долго не могла понять, кто это и о чем говорит.

- Олег, извини, я просто не узнала тебя, что-то с твоим голосом... Что случилось? Мила умерла? Боже мой. Когда? Этой ночью? Дорогой, я даже не знаю, что сказать, мне Вятский недавно говорил, будто ее состояние относительно стабильно... Было.

- Катя, послушай меня внимательно, - быстро и взволнованно сказал Олег. - Я бы не позвонил тебе среди ночи. Такую весть можно было и завтра сообщить. Просто... У нас была «Скорая», теперь дома милиция. Врачи считают, что Мила отравлена. Понимаешь, сознательно отравлена, убита. Ее повезут на экспертизу, будет вскрытие, здесь следователь. Я думаю, мне придется поехать в отделение... В общем, я хотел, чтобы ты узнала это от меня.

- Олег, но как... кто... Я уверена, они ошиблись. Они просто не в курсе, что это за болезнь. Атрофия сердечной мышцы, дыхательных мышц... Ну, ты же знаешь, объясни им!

- Нет, Катя, нет. Все не так. Мы днем были в клинике у Вятского. В общем, никакого заметного ухудшения. Дома она нормально дышала, ела, спала. Это действительно неестественная смерть. Катя, не могу больше говорить, но как бы все ни пошло, я хочу, чтобы ты знала. Ты здесь ни при чем.

- О чем ты говоришь?

- Это может как-то всплыть. Собственно, о нас многие знают. Я мечтал и мечтаю быть с тобой...

- Боже, какой ужас! Что ты говоришь! Ты просто переволновался.

- Все. Осмотр закончили. Мне пора ехать.

- Подожди. Скажи мне телефон твоего Стасика.

- Пиши.

* * *

Когда жену вынесли из квартиры, Олег подошел к Стасу, сжал его плечи, что-то хотел сказать, но подбородок его задрожал.

- Па, я не понял, ты что, с ними поедешь? - спросил сын.

- Да, ты же слышал. Нужно обо всем рассказать по порядку.

- По какому еще порядку? Она умирала или нет? Вот она умерла. Что они придумали! Тебе не следует с ними ехать. Надо жаловаться. Бред какой-то! Ты чего молчишь?

- Стасик, они в мусорном ведре нашли ампулы. Это мамино лекарство, но его предписано колоть в очень маленьких количествах. Нашли много ампул, упаковки там же. Вот в чем дело.

- Ну че за муть. Да я это ведро уже несколько дней не выношу. Я говорю: они зачем-то все придумали.

- Тем более необходимо спокойно во всем разобраться. Я напишу заявление с просьбой провести экспертизу, ну, все, что положено. Может, это и в самом деле ошибка.

- А может, им план по преступлениям выполнять надо. Я говорю, не стоит ездить. Лучше позвони знакомым, ну, есть же у тебя кто-то там.

- Стасик, ты сейчас ложись спать. Я скоро приеду. Не думай пока ни о чем. У тебя мама сегодня умерла. Горе у нас. Ничего от меня и тебя уже не зависит. Иди к себе. Отдохни, сынок.

Олег попытался улыбнуться Стасу, затем быстро вышел из квартиры, спустился вниз и подошел к машине, где его ждал следователь отдела по расследованию убийств.

Стас растерянно стоял один посреди вдруг опустевшей комнаты. В их жизни давно ничего не менялось. Мать заболела, отец ушел в отставку, открыл свою небольшую фирму, выстроил жесточайший распорядок дня. Для себя. Это были его проблемы. Работа, уход за женой, причем все по минутам, по расписанию: дом, готовка, уборка... И он, Стас. Вот в таком порядке. Конечно, папа освободил его от всего, разве что в магазин иногда пошлет, попросит пару часов посидеть с матерью, когда его нет. Но у них не осталось времени даже на разговоры, как когда-то. О поездках к морю, в горы речь просто не шла. Стас вспомнил свой выпускной вечер в школе. Когда им выдали аттестаты, они спустились в зал, отец подошел к нему, взволнованно обнял, крепко руку пожал и... даже не остался посмотреть их концерт. Стас пришел домой утром, отец поставил перед ним завтрак. Спросил: «В какой институт пойдём?»

– Да ни в какой! – ответил Стас. – Кому они щас нужны, эти институты? Я деньги хочу зарабатывать. Компьютерами заниматься.

– Мама хочет, чтобы ты поступил в институт.

– Ой, не смей меня. Мама хочет, чтоб ты ее манной кашей кормил, и все. Это, когда я в третьем классе был, она нам сказки придумывала: МГИМО, ВГИК, театр Большой и Малый... Ну, ты че, па?

– Да, виноват я перед мамой. Вырос ты у меня, честно говоря, как бурьян, на нашей заброшенной даче. Слушать, как ты о матери говоришь, я не хочу, против твоих планов ничего не имею. Пойдешь на курсы программистов. Техникой тебя обеспечу. И то правда: пора зарабатывать на себя. Хоть какой-то толк будет.

Олег никогда не повышал голос на сына, он даже не ругал его в прямом смысле слова, но после таких разговоров Стасу пару дней бывало не по себе. Подлизаться к отцу он умел. И до сих пор любит, когда тот подходит к нему внезапно и порывисто, притягивает к себе его голову, ерошит волосы, сжимает плечо. Им хорошо вместе. Им было бы хорошо, если бы не болезнь матери.

Стас подошел к большому портрету молодой женщины с темными, красивыми глазами. Произнес про себя слово «мама», прислушался к сердцу, вызвал другие воспоминания.... Ребята завидовали, что у него такая мать – стройная, веселая, заботливая, обожающая его. Она устраивала ему шумные, веселые дни

рождения, приглашала весь класс. Они праздновали первое сентября, конец учебного года, мама старалась выполнить любое его желание. Когда-то они вместе читали книжки, смотрели кино, вместе далеко заплывали в море, катались на велосипедах... Он ее любил, он ею гордился, он к ней спешил... Но той мамы давно с ним нет. Ну, что он мог с собой поделаться? Мать стала плохо, непонятно говорить, она сидела в своем инвалидном кресле, он подходил к ней и чувствовал запах лекарств и болезни... Ну, чего тут себе врать. Терпел, брезговал, старался побыстрее уйти в свою комнату. Когда он видел, как отец вытирает ей салфеткой слюни, несет в туалет, моет, – Стаса просто тошнило. Отец все понимал, из-за этого между ними возникла отчужденность. Стас и в этом винил мать со всем эгоизмом молодого, здорового, zalюбленного когда-то существа, которое лишилось эмоционального комфорта. Об остальном и говорить нечего. Черт-те что у них было, а не жизнь.

Стас пошел к себе в комнату, разделся, лег в постель, накрылся с головой одеялом. Черт, как же ему неуютно. Отец велел не думать обо всем, что произошло. Только о том, что у него сегодня умерла мама. Стас еще раз произнес слово «мама», теперь шепотом, и почувствовал, как горло сжал спазм. Вроде бы глазам стало горячо. Он очень хотел заплакать – громко, безутешно, как в детстве, когда обильные слезы как будто смывали тучи, и на душе светлело... Он очень хотел заплакать, но ничего не получилось. Он уснул, свернувшись в клубок и сжав кулаки.

Глава 2

Катя смотрела в темноту, пока не рассвело. Четких, упорядоченных мыслей не было. Она разглядывала ленту ослепительно ярких кадров. Все то, что нельзя было вспоминать. Все то, что постоянно было с ней. Больничный сад, солнечная поляна, взгляд Олега издалека – страстный, тоскующий, обожающий, ласкающий. Это не солнце, это его синие глаза согревали, зажигали ее кровь... Озабоченное лицо Игоря. Он дотошно ее расспрашивает, что сказали врачи, заставляет есть виноград и груши. И вдруг... Игорь поворачивается и прямо, пристально смотрит на Олега. У Кати обрывается сердце. Вот они уходят – Игорь ведет ее за руку, все глядят в окна. Галя, Марина, Лена машут ей. У ворот курит мужчина, не глядя на них. Почему-то его широкие плечи, крупные руки выдают беспомощность, потерянность. Катя видит его, не поворачивая головы. Игорь опять рассматривает его в упор. Она приехала в больницу, когда узнала,

что Галя умерла. Марина и Лена сидели рядом на одной кровати, увидев ее, горько заплакали. Так они и сидели втроем, пока не пришла сестра делать уколы. Катя вышла в коридор. У окна Олег кормил с ложечки творогом Милу. Катя улыбнулась, поздоровалась, Олег измученно взглянул на нее, как на солнце, которое светит не ему. Мила вдруг беспокойно задвигалась, на изможденном лице появилась гримаса страдания, а в глазах слезы. И вдруг у нее начался приступ удушья. Катя испугалась, побежала за медсестрой, Олег повез жену в палату... Боже мой, Мила все видела и понимала. Ну, вот. Самая невыносимая боль настигла Катю. Вина. Честному и открытому человеку такая боль просто не под силу.

Катя вскочила и заметалась по квартире. Что делать? Еще слишком рано, чтобы кому-то звонить. Да и кому. Олегу? Не та у него ситуация, чтобы его дергать звонками. Стасу? Да, ему нужно позвонить, но позже. Мальчик, наверное, спит. Игорю? А что она скажет Игорю? Просто, чтоб его голос услышать. Тоже рано. Катя взяла телефон, пролиستала список номеров. Вот к кому можно обратиться в любое время и вроде бы случай именно тот. Сережа Кольцов.

Они познакомились во время съемок детектива по ее сценарию, где он был консультантом. Он тогда работал прокурором. Сейчас – частный сыщик. То есть на службе всегда. В его дружбу Катя верила. Она решилась.

– Сережа, я тебя не разбудила?

– Разбудила. Ты хочешь извиниться и позвонить через полчаса? Давай рассказывай. Что у тебя?

– Какая-то непонятная история. Понимаешь, у меня есть друзья. Семья. Муж, жена, сын девятнадцати лет. Она очень болела. Тяжелый диагноз. Потом объясню. Он за ней ухаживал. Болезнь неизлечимая, но умирание медленное, врач, который ее наблюдал, – мог предсказать время смерти с точностью до недели. Они вчера были у него. Ухудшения значительного не обнаружено. В общем, все было как всегда, а ночью она внезапно умерла.

– Катя, ясно, что ты переживаешь, но это вопрос не ко мне. Я знаю, что ты должна сама во всем разобраться, хотя совершенно не понимаю, почему ты это должна. Ну позвони тому врачу.

- Ты не дослушал. «Скорая» пришла к выводу, что Милу отравили. Убили, понимаешь? Там была милиция, следователь. Олега, ее мужа, повезли давать показания. Экспертизу будут делать...

- Ну, вот все и выяснится.

- Что выяснится? У них в доме практически никого не бывало, кроме мужа и сына. Олег сам за ней ухаживал. Ну, иногда кого-то нанимал. Я не прошу у тебя ответа. Просто доверяю твоей интуиции. Я рассказала все в общих чертах. Что ты думаешь? Это ошибка, халатность или что-то другое? Ну, нелепо же такое предположить. Кому понадобилось убивать умирающую женщину?

- Ты ж сама сказала, что она умирала медленно. Кому-то захотелось, чтоб быстрее, допустим. Не такой уж редкий случай.

- Да нет. Это просто исключено. Понимаешь, Олег, он... Он от всего на свете отказался, чтобы ее спасти... Это такой человек... Ну, совсем необыкновенный.

- Ничего себе заявы. Катя, я понятия не имею, что там приключилось на самом деле, но в плане интуиции... Ты случайно не боишься оказаться в роли причины?

- Нет.

- А где Игорь?

- В командировке по Дальнему Востоку.

- Это и его друзья?

- Нет.

- Так. Говори их фамилию. Еще два часа сплю, разбудить не пытайся, потом попробую что-то узнать.

- Калинины. Он Олег, она Людмила, сын Станислав. Адрес - Ленинский проспект...

* * *

Игорь не отводил внимательного взгляда от гладкой, сытой и крайне неприятной физиономии очередного губернатора. Искал десять отличий от предыдущих физиономий. Тему браконьеров проехали, сейчас у него от зубов отлетает бодрый рапорт о выполнении социальной программы «Ветеранам – достойную жизнь». Сколько на самом деле собрано, выключено из бюджета, куда примерно уплывают огромные деньжищи, – они, журналисты, уже в общих чертах выяснили сами. Губернатор закончил речь на пафосной ноте, давая понять, что он сделал для столичной прессы все, что мог. Игорь выключил диктофон, ребята встали.

– Одну минуту, – сказал Игорь и подошел к губернатору. – Взгляните, пожалуйста, на фото. Не знаете эту женщину?

– М-м-м. Не припомню. Нет, первый раз вижу.

– Это заслуженный учитель России Мария Петровна Симонова. Ветеран труда, награды... Наша газета писала о ней не раз. Сейчас она на пенсии, больна, живет в этих руинах, денег нет, чтобы слесаря, электрика вызвать. На хлеб тоже средств нет. А мы в вашем городе собираемся сани покупать, чтоб кататься по горам икры тех браконьеров, с которыми вы якобы борьбу ведете. Хотите, я напишу вам на бумажке сумму, полученную на поддержку вашей программы «Ветеранам – достойную жизнь» за последние полгода? Вот она. Красивая, правда? А теперь напишите мне сумму, которая причитается Марии Петровне Симоновой.

– В чем дело? Что за цифры с потолка? Мы не позволим. Мы знаем, куда обращаться по поводу журналистских провокаций.

– Игорь, пойдем, нам некогда, – сказал Леша Северцев из «Столичной газеты».

– Ребята, вы идите. Я догоню вас через секунду, – почти весело сказал Игорь.

Когда коллеги вышли, он наклонился над сидящим губернатором и доверительно произнес:

– Награбленным нужно делиться, понял? Если Мария Петровна не получит того, что ей причитается... Ох, как же я люблю рассказывать правду со страниц газеты.

– Да что вы себе позволяете? Я сейчас начальнику ГУВД позвоню.

– Серьезно? Так я сразу тебе дам в морду, чтоб повод был, ладно?

Вышел Игорь почти удовлетворенным, Леша, взглянув в его лицо, вздохнул:

– Все по плану, ребята. Он хулиганил, сто пудов, вечером нам даже в номере спокойно выпить не дадут.

– Может, и дадут, – виновато пробормотал Игорь. Ну, не мог он себе отказать в удовольствии испортить настроение чиновнику.

Вечером им дали выпить. Этот губернатор оказался более дальновидным, чем предыдущие. Он приблизительно представлял себе, какими хлопотами может обернуться месть столичных писак.

Они сидели в номере в клубах сигаретного дыма, говорили как все и как всегда: что делать, быть или не быть, кому на Руси жить хорошо. Игорь несколько раз вставал, выходил с телефоном на балкон, хотел набрать номер Кати, но не решался. Она всегда чувствовала, что он выпил, сразу расстраивалась, сворачивала разговор. Он решил позвонить утром, и тут Катя позвонила ему сама.

– Игорь! Здравствуй! Почему ты не звонишь? У тебя все нормально?

– Конечно. Привет, дорогая. Просто закрутились мы тут. Но материала набрали на полжизни. Как ты? Голос какой-то грустный. Ты скучаешь? Я страшно соскучился, ты знаешь, вот все бы бросил...

– Мне, наверное, не имеет смысла рассказывать, как я. Понимаю, что тебе сейчас не до моих рассказов.

– Ну, зачем ты, Катя, сразу нападаешь. Ну, выпил я. Да, мы сидим, пьем. После очень тяжелого дня. Точнее, после двух суток работы без сна.

– Я понимаю. Я просто позвоню завтра. Или ты мне, хорошо? Пока.

Игорь долго стоял неподвижно, почти в отчаянии, когда она разъединилась. Вот такая реакция. На абсолютную, по сути, ерунду. Это очень осложняло их жизнь. Ну, как газетчику не выпить с друзьями. Игорь был из тех, кто за свою компанию голову готов сложить. Катя – одиночка по жизни. Ближе к себе мало кого допускает. А вот если допускает... Что тогда? Игорь задумался совсем уже тяжело. Как всегда, в разлуке и в моменты какого-нибудь разлада, он вспомнил тоскливый, призывный и страстный взгляд того мужчины в больнице, где лежала Катя. Ничего более откровенного Игорь в жизни не видел... Он вошел в номер, взял со стола бутылку водки, налил в гостиничный стакан и выпил залпом.

– Я спать пошел, – сказал он друзьям, лег на кровать и до утра так и не заснул.

В Москве Катя горько плакала в подушку. Опять в трудную минуту она не смогла поделиться с ним, самым близким человеком. Легче всего убедить себя в том, что ей помешал его нетрезвый голос. Он ей, как всегда, помешал сдержаться, спокойно поговорить. Но поделиться тем, что произошло, что так мучило ее сейчас, именно с Игорем и нельзя. Вот в чем проблема. Вновь, как обычно, после очередного недоразумения в отношениях с мужем, закружились непрошенные мысли о том, почему у них нет детей. Хоть одного ребенка. Как-то повелось объяснять это себе и другим банальным отсутствием времени на воспитание чада. Она постоянно в работе, он тоже, у нее съемки, у него – командировки. Ну, успеют еще. Ей всего двадцать восемь, ему – тридцать три... Ей уже двадцать восемь. И она может сказать себе, наконец, честно. Ее муж – хороший человек, она его любит, но не хочет от него детей. Что-то не складывается тут – и все.

Глава 3

Аня задумчиво жевала омлет, сидя за кухонным столом, и смотрела в спину матери, моющей посуду.

- Слышь, у Стаса мама умерла, – произнесла она, наконец.

- Да ты что, – повернулась Вера. – Когда?

- Вчера ночью.

- Ну, слава богу, отмучилась.

- Ой, я так и знала: вечно ты с этим «слава богу». Ничего она не отмучилась. Там петрушка какая-то вышла. Ей вроде лекарство не то подсунули. Перепутали, что ли. Я не поняла толком.

- Да ты что! – глаза Веры расширились от любопытства.

- Не, ну ты как заведенная точно. «Да ты что, да ты что». Ты че обрадовалась?

- Я обрадовалась? Ты просто психопатка. Я, наоборот, в шоке. Ты объясни толком насчет лекарства. Кто мог ей не то лекарство дать? Ей только муж лекарства и давал.

- Или уколы, я сразу не врубилась. Стас чего-то бормотал... Да, вроде уколов больше, чем надо.

- Интересно, – задумчиво проговорила Вера. – А знаешь, я его не осуждаю. Он мужик видный. И при калеке.

- Я фигею, дорогая редакция. Ты что, маман, на Олега Витальевича глаз положила? Сразу тебе скажу, чтоб не мучилась: ты в полете.

- Какая ты грубая все-таки. И с чего ты взяла, что я того... глаз положила? Я просто так сказала. И все равно интересно: ты меня что, очень страшной считаешь? С чего это я сразу в полете?

- Не, ну ты, может, и не самая страшная, – Аня жмурилась довольно, как кошка. Любила она поиграть на мамином самолюбии. – Просто есть лучше. Я тебе так скажу: есть в тысячу раз лучше.

- Ты про что? Ты хочешь сказать, что у него кто-то есть?

- Ну, так-то нет, конечно. Ну, как ты подумала. Но одну девушку я у них видела. Она ему нравится, точно. А тетю Милу клинило. Я это тоже видела.

- Ничего себе. Что за девушка?

- Не знаю. Может, артистка.

- Красивая, что ли?

- Угу.

- Так. Вот что получается. А ты тут пела: добрый он, хороший, на руках жену носит.

- Так он и есть добрый и хороший, и на руках ее носил, потому что она ходить не могла. А девушка зашла к ним, может, один раз. Ее он на руках не носил. Вот как с тобой говорить? Ты как залипнешь на чем-то, тебя не сдвинешь. Ты на самом деле думаешь, что он нарочно с лекарством?

- Пусть милиция думает, - поджала губы Вера. - Мне другое интересно. Стас тебе про женитьбу ничего ни разу не говорил?

- Ну, говорил что-то... Типа в шутку.

- Парень может сказать типа в шутку, а девушка должна сделать так, чтоб было всерьез.

- Может, мне его в загс самой затащить? Ну, ты даешь.

- Что значит - затащить? Когда у женщины голова на плечах, мужчина идет в загс и думает, что сам этого хочет.

- Ясно с тобой все. Ты на этих штампах помешана. Сейчас начнешь рассказывать, что все из нашего дома уже проштампованы, одна я - нет.

– Аня, – голос Веры прозвучал значительно, почти торжественно, – ты, дочка, пойми: я знаю, что говорю. Ты полгода со Стасом встречаешься, живете, если прямо сказать. Если бы у них все было по-старому, то можно и дальше так тянуть. Но все поменялось. Мать умерла, отец... Сама говоришь: может и привести кого-то. А когда приведет... Захочет ли она тебя прописать? Сомневаюсь. Тут случай такой: с этим лекарством начнут разбираться, раз уж подозрение есть. Одним словом, пожениться вам в самый раз. Олег сейчас это и не заметит. А потом уж – ничего не поделаешь, ты там живешь на законных основаниях.

– Как тебе горит меня выпихнуть отсюда!

– Я о будущем твоём беспокоюсь. Семья приличная, квартира большая. А мне нужно здесь сидеть и ждать, когда брат твой сюда жену приведет. Я не о себе пекусь. Всю жизнь на вас положила, а на старости, может, меня невестка и выкинет отсюда...

Вера отвернулась к окну и театрально прикрыла глаза рукой. Аня зевнула, встала, потянулась и насмешливо проговорила:

– Мне, что ль, обрыдаться насчет твоей невестки... А еще внуки у тебя могут дебилами родиться, садистами вырасти, мучить тебя будут... Мама, Петька вчера в восьмой класс пошел. Как бы ты сама ему нового папашку не подсунула. Который его и выкинет отсюда, – Аня радостно рассмеялась, довольная удачно завершённой комбинацией.

* * *

Катя несколько раз собиралась позвонить Олегу или Стасу, но не могла себе представить, что им говорить, о чем спрашивать, как реагировать на ответы. Нет, там сейчас сложилась настолько сложная ситуация, что понять что-то возможно, лишь взглянув на Олега хоть мельком. Или на Стаса. Она решила просто пойти к ним без звонка. Если Олега нет дома (вдруг его задержали до выяснения), она предложит Стасу свою помощь... Да хоть приготовит что-то, квартиру уберет...

Они жили в тридцати минутах ходьбы от ее дома, но она была у них в гостях только раз, когда Игорь привез из Франции по ее просьбе лекарство для Милы. Она принесла его, посидела минут пятнадцать... Олег у нее дома не был ни разу. С тех пор как они расстались в больнице, прошло больше года. Катя шла медленно, со стороны могло показаться, что она в глубокой задумчивости. На самом деле никаких конкретных мыслей, идей, планов по-прежнему не было, только эта яркая лента воспоминаний, которые мучили, тревожили ее душу и... согревали кровь. Таким горьким и сладким оказался ее единственный мимолетный роман на стороне. Такой ужасной может стать расплата... Господи, да что это я. Какая расплата?.. Катя даже невольно отмахнулась от этой мысли.

- А-а-а-а! - с воплем синхронно подпрыгнула, поравнявшись с нею, группа оболтусов лет шестнадцати-семнадцати. Приземлились и радостно захохотали. Прохожие испуганно шарахнулись в стороны, Катя оказалась практически в центре компании.

- Просто интересно, - сердито спросила она. - Почему вы такие идиоты?

- А! - с готовностью проорал один из них. - Так мы пидора женим!

- Елки-палки, - пробормотала Катя, и почему-то ей стало легче. В конце концов все может оказаться недоразумением в этой истории с Милой, как-то все наладится в ее, Катиной, жизни, станет проще, яснее... Как? Кто это может знать наперед... А пока она идет под начинающими желтеть большими деревьями, ей в лицо ласково светит нежное солнце ранней осени, по улицам бродят и скачут радостные придурки, а до дома Олега всего-то осталось идти пятнадцать минут. Вдруг она позвонит, а ей откроет он, посмотрит своими синими глазами...

Ей открыл Стас.

- Здравствуйте, - сказал он невыразительно и не сразу пригласил ее войти.

- Извини, что я без звонка, просто была недалеко, подумала, может, сумею чем-то помочь...

- Значит, он вам рассказал - Стас смотрел на нее совсем без выражения, что, конечно, тоже было выражением.

- Олег сказал мне, что Мила умерла. Прими мои соболезнования.

- Принял. А про то, что нас в убийстве подозревают, сказал?

- Ну, что-то такое говорил, я толком не поняла... Есть предположение... Так?

- Типа мама не умерла, а убили ее. Мы, что ли... Вы решили, что отец уже в тюрьме? Не. Его отпустили под подписку о невыезде. И я под такой же подпиской. И все, кто к нам заходил. Вас, случайно, не вызывали?

- Нет. Я была у вас один раз, довольно давно, если помнишь.

- Да мне че? Мне откуда знать, сколько вы были и когда. Мне отец не докладывал. Следакам и расскажете.

- Так. Ты явно считаешь, что я не должна была сюда приходить. Прости, я действительно хотела помочь. Ты уверен, что ничего не нужно?

- Уверен. Батя сам все сделает. У него время освободилось: за мамой не надо больше ухаживать.

- Понятно. У тебя нет причины так со мной разговаривать, но это неважно. Я пойду. - Катя повернулась к двери.

- Точно нет причины? - вопрос прозвучал как удар в спину.

Она повернулась и прямо посмотрела в темные глаза Стаса:

- Понимаешь, если одному человеку не нравится другой, то это еще не повод для того, чтобы его обижать. Это проблема первого человека. Я, честно говоря, знаю о тебе так же мало, как и ты обо мне. И поэтому не делаю никаких выводов. Просто у нас не состоялся разговор. Пока.

- Чао. А я что, вас обижал? А кто сказал, что вы мне не нравитесь? Очень даже нравитесь. Как женщина. Ну, бате, конечно, больше, он вас лучше знает...

Катя почувствовала, что сейчас ударит его или зарыдает. Или то и другое. Она выскочила из квартиры, выбежала из подъезда и бросилась домой прятаться от чужих и недобрых глаз, отмываться от незаслуженной враждебности, отбиваться от страха за Олега, себя, Игоря, от мысли о собственной вине... В прихожей она опустилась на пол и застонала, закрыв рот ладонью. До нее наконец окончательно дошло, что их с Олегом тайна не была тайной вовсе, а сейчас... Сейчас это вообще тема для милицейского протокола. Что дальше? Реакция Игоря, ненависть Стаса... «Точно нет причины?» А вдруг...

Глава 4

Надежда все утро простояла у окна. Вздрагивала, когда во двор въезжала черная машина, всматривалась, вздыхала то ли разочарованно, то ли облегченно. Это машина не Олега. А с чего она, интересно, взяла, что он может приехать? Да ни с чего. Просто вата в голове. Она заставила себя пойти в ванную, налить в ведро горячей воды, добавить стиральный порошок, замочить чистую, высушенную тряпку и принялась мыть пол. Даже на этом обыденном занятии сосредоточиться не удалось. Тряпка казалась то слишком мокрой, то слишком сухой, в результате Надя, попятившись, опрокинула ведро с мыльной водой, поскользнулась, шлепнулась в лужу и, не вставая, пригорюнилась, как Алenuшка у пруда. Когда позвонил телефон, она застыла. Голубые глаза расширились от ужаса, рот приоткрылся. Трубку взяла мокрой, дрожащей рукой.

– Надежда Николаевна Осипова? Вас беспокоит следователь отдела по расследованию убийств. Земцов Вячеслав. Вы можете сейчас говорить?

– Да.

– Я хотел бы с вами встретиться по поводу обстоятельств смерти Людмилы Калининой. Вы можете к нам подъехать?

– Да. Когда?

– Сегодня, завтра... Когда вам удобно?

– Завтра. А что я могу сказать?

– Насколько я знаю, вы помогали мужу Калининой ухаживать за ней. Приходили к ним, лекарства давали, уколы делали... Вот об этом.

– Хорошо. Куда?

– Запишите...

Потом Надежда долго стояла на коленях возле журнального столика и смотрела на бумажку с адресом. Мысли ворочались в голове тяжело и больно. Ее что, подозревают? В убийстве? Стас сказал, их всех подозревают в убийстве. Она даже не знает, вернулся ли оттуда Олег. Может, он что-то такое им рассказал, из-за чего они решили, что она... Что у нее есть мотив? Неужели он мог так сказать о ней? Что Олег вообще мог о ней сказать? Может, просто, что она помогала... Тогда это формальность.

...В тот день они получили дипломы педагогического института – учительницы начальных классов. Две неразлучные подружки – Мила и Надя. Худенькие, одинакового роста, с неяркими, правильными чертами лиц – они идеально дополняли друг друга. Мила – темноволосая, с темно-карими глазами, Надя – голубоглазая блондинка. Им было очень интересно вместе. Они увлекались пением, игрой на гитаре, гимнастикой, походами, плаванием. Им нравились одни и те же фильмы, одни актеры, одни книги. Ребята, в принципе, тоже нравились одинаковые – спортивные, веселые, чтоб не совсем «ботаники» и вовсе не «качки». Чтоб поговорить было о чем, без хамства, пьянства, наркотиков... Не такие уж страшные требования, но... с выбором как-то было туговато. Но они никуда не спешили, в омут не бросались, обсуждали друг с другом каждая свой небольшой роман, без сожаления расставались с парнями, как только что-то шло не так... Они обе были достаточно цельными, серьезными, рассудительными девушками. Повторяли друг другу, что не «в деньгах счастье» и что «лучше одной, чем с кем попало». Они ждали...

Получение дипломов отмечали на даче у сокурсницы. Веселье уже было в разгаре, когда Мила оттащила Надю на террасу и сказала:

– Слушай, сейчас сюда приедет один парень. Мы недавно познакомились. Он военную академию закончил. Я не говорила тебе, потому что... Надюха,

я не думала, что он мне перезвонит. Парень просто обалденный. Если честно, я по уши... Он позвонил, что уже недалеко отсюда.

Надя с изумлением смотрела на взволнованную подругу. Никогда не видела ее такой. Ей даже обидно стало, как будто ей дали отставку.

- Ты что, - потянула ее за руку Мила. - Расстроилась? Надь, мы всегда дружить будем. Что бы и как бы не... Поняла?

- Ну, не дура же, - улыбнулась Надя.

Он приехал минут через сорок. Вошел в комнату вместе с Милой... Надя будет помнить эту минуту всю жизнь, до самой, как говорится, березки. Вошел царевич из ее детских сказок, девчачьих грез, женского томления. Это она должна была встретить Олега, а он Милу за руку держал. Мила подвела его к ней, сказала:

- Знакомься, это Надя, моя подруга.

- Очень приятно, - белозубо улыбнулся Олег и одарил Надю синим-синим взглядом.

В тот вечер у Нади почему-то разболелась голова, она уехала в Москву с одной парой. Мила с Олегом остались ночевать на даче. В ту ночь Надя одного не понимала до утра: как у нее сердце от досады и несчастья не разорвется. Потому что все было ясно: единственный мужчина, которого она могла бы полюбить, достался не ей. Ждать больше нечего.

Глава 5

Сергей Кольцов вошел в кабинет следователя Земцова без стука и какое-то время молча наблюдал, как тот роется в бумагах на столе.

- Давно стоишь? - с интересом спросил тот, подняв голову.

– С момента твоего впадения в деловой экстаз, – Сергей подошел к столу приятеля и сел в кресло. – Пока ты зевал, чесал макушку и проверял, не забыл ли надеть носки, я формулировал в уме свою мысль. Не успел. Стоял, ждал.

– Мысль не забыл? Надо-то чего?

– Как всегда. Служебную информацию.

– И кто ж тебя нанял?

– Мимо. Меня не нанимали. Это дружеская услуга одной милой и красивой женщине, с которой меня связывают исключительно деловые отношения.

– Можно угадаю? У частных детективов бывают деловые отношения с красивыми женщинами, если последние, к примеру, надрываются в эскорте авторитетов или...

– Не мучайся. Сидишь тут в пыли, как сивый следак, который солнышка сто лет не видел, и придумываешь чего-то, что, по-твоему, в кино показывают, которое ты не смотришь. А жизнь проще и светлее. Представь себе, меня пригласили консультантом на съемки одного детектива. Сценарист – женщина, Катя. Мы подружились. У нее возникла проблема, и она мне позвонила, разбудила меня ни свет ни заря. Скорее всего, тревога ложная, и все уже выяснилось. У тебя было какое-нибудь дело о якобы насильственной смерти Людмилы Калининой, тяжелого инвалида, за которой муж ухаживал, Олег Калинин? Она умерла на днях. «Скорая» вроде пришла к довольно нелепому выводу, и его даже задерживали.

– Очень интересно. Вот я как раз в этом деле и сижу. Так, говоришь, подруга Катя? А мужу этому, Олегу, она тоже подруга?

– Видимо, да. Она за него переживает. Так что там? «Скорая» накосячила?

– Тревога не ложная, «Скорая» не косячила, ничего не выяснилось, кроме того, что смерть действительно неестественная. Может, мы про Катю поговорим подробнее? Я как раз мотив ищу.

– Нет, это точно не в тему. Когда я окончательно проснулся, то переступил природную застенчивость и позвонил ей, покопался в этих отношениях. Прежде всего: Катя замужем, и они с Игорем любят друг друга. Она подруга не только мужа. Она познакомилась с этой парой в чрезвычайной ситуации. В общем, беда с ней однажды на съемках приключилась, я сам это видел... Попала в больницу, где лечилась Людмила Калинина. Познакомилась с ними обоими, так как муж находился в отделении, ухаживал за женой. Короче, не знаю, поймешь ли ты, но из-за того, что ситуация была такой острой, для нее это не просто знакомые. Даже не просто друзья. Что-то вроде кровного родства.

– Елки... Да какой же сивый следак подобные тонкости понять может! Это только консультантам художественных полотен дано. Она тебя в соавторы не приглашала? И зря. Годишься. Сережа, если хочешь быть в этом деле, ты с красноречием и фантазией завязывай. Ты мне точную инфу давай. Как твоя Катя относится к этому Калинину?

– Хорошо. Очень. Чуть-чуть слишком.

– Так. Ее муж с ним знаком?

– Они не друзья.

– Ясно. Она боится, что ее приятель по «чрезвычайной ситуации» мог на самом деле жену убить? Да?

– Нет. Она этого не допускает. Говорит, он необычный человек, все такое...

– Ты веришь, что женщине может казаться необычным мужчиной, если он ей по барабану?

– А почему нет? Я наверняка кажусь Кате необычным, и я ей по барабану.

– Ну, с тобой так у всех, мне кажется. В данном случае нет ничего подозрительного, как тебе показалось? Только честно.

– Слушай, я пришел не стучать на подругу, а помогать ей... Что-то показалось.

- Она боится, что следствие может считать ее мотивом или соучастницей?

- Ну, как у тебя все кондово. Она тревожится за него. И за себя. Да. А почему нет? Это же такая история, никто не знает, чем дело кончилось, а сам факт все будут перебивать. Желтая пресса опять же... Ладно. Я сказал все, что знаю. До сегодняшнего утра я вообще ничего не знал. Теперь твоя очередь. Могла быть неосторожность? Случайный передоз, не та ампула?

- Нет. Он колол ей простенькое дешевое лекарство - прозерин. Выписывают его при миастениях, параличах, приступах удушьях. При передозировках человек погибает от остановки сердца, того же удушья. Он вводил ампулу - один кубик. Шприцом-инсулинкой. Больше в него не влезет. У нее в крови - лошадиная доза, кубов двадцать, понял?

- Да... Что нашли дома?

- Там у него порядок. Отдельно бак для обычного мусора, отдельно для медицинских отходов. Единственная обязанность сына - их выносить. Он этого не делал, как говорит, дня четыре. Накопились ампулы, упаковки, шприцы. Разные лекарства и разные шприцы. Но не столько, конечно. Большого шприца нет.

- След от укола нашли? В смысле это точно был один укол?

- По картине - да. Александр Васильевич ищет. Но погибшая вся исколота. Несколько лет, круглосуточно ей вводили лекарства.

- Муж кому-то поручал с ней сидеть, уколы делать?

- Да, там была помощница, подруга ее по институту. Сыну вроде не поручал. Но, возможно, отец решил так говорить, чтобы сына вообще не светить. Калинин работает. А уколы нужно делать довольно часто.

- Реально вычислить время того самого укола удалось?

- Будем стараться.

- Тяжелая история. Что за мужик?

- Да неплохой.

- Как ты думаешь? Он мог?

- Мог. Из сострадания, к примеру. Он офицер. Решительный, сильный. Жена могла попросить, избавил ее от мучений. Так бывает... Но еще, как выясняется, есть подруга Катя...

* * *

Худенькая официантка, проходя между столиками, совсем глаза скосила, без конца поглядывая на двух видных плечистых парней. Наконец, один из них – с волосами ежиком, массивным подбородком и явно когда-то сломанной переносицей – взглянул на нее весело и подмигнул добродушно.

- Понравилась, Коль? – не совсем трезво поинтересовался его приятель.

- Мне все женщины нравятся в принципе, – ответил Коля. – А тебя, Витя, смотрю, немного повело. Как говорит наш тренер? Никогда не мешай пиво с водкой. А если ты пьешь только пиво, тебе не место в наших спортивных рядах. Да... Легко на помине. – Парень достал телефон из кармана. – Слушаю, Василий Иванович. Все нормально. Прогуливаюсь по скверу. Не, простуда прошла. Как вы сказали: чай с медом на ночь, и усе. Ладно. На связи. – Он сунул телефон в карман и встал. – Ну, чего, пошли?

- Я б посидел еще. Ты даже звонка Васьваныча боишься.

- Да при чем тут он. Девушка меня ждет. Не хотел рассказывать, но я вроде женюсь.

- Ты что? На той, которая приходила?

- Ага. Невеста, считай.

– А говоришь, тебе все женщины нравятся.

– Все в принципе, а Юлька – конкретно, понял? Ты как хочешь, а я пошел. В случае чего можешь официантку склеить.

Николай шел к месту свидания в парке не по главной аллее, а по боковой тропинке. Юлю он увидел издалека. Она, как всегда, ожидая его, беспокойно поглядывала то по сторонам, то на часы. Он улыбнулся. Выглядела девушка прекрасно. Тоненькая, миниатюрная, в коротком, приталенном черном плаще с расклешенным подолом, в меру подкрашенное миленькое личико и роскошные, густые и волнистые, пепельные волосы ниже плеч. Николай пошел было быстрее, но вдруг затормозил. К Юле подошел какой-то парень. Явно пристаёт. Юля, похоже, пытается его отшить, отворачивается, но парень не уходит. Смотрит вместе с ней на людей, идущих по главной аллее, что-то говорит... Юля вдруг улыбнулась, потом вообще рассмеялась. Ей что, понравился этот клоун? Николай остановился за высоким кустом и стал наблюдать. Объективно парень был симпатичный. Высокий, светловолосый, с белозубой широкой улыбкой. Но Николаю он казался фальшивым, липким, неприятным. А Юлин смех, ее беспечные слова просто резали слух. Ему и Юля уже была неприятна. Он рванул с места и оказался рядом с ними. Она испуганно посмотрела на его лицо, искаженное злобой. Но улыбнулась, взяла за руку.

– Ой, наконец. А я тут...

– А ты тут, вижу, не скучала. Свободен, парень. Или ты не понял? – Николай резко дернул Юлю за руку и почти потащил к выходу из парка.

– Собственно, почему вы так со мной разговариваете? – Парень не отставал. – И как вы с девушкой обращаетесь? Вам не кажется, что это хамство?

– Что ты сказал? – Николай резко повернулся. – Ты хамом меня назвал? Ты мою девчонку тут обрабатывал, а я хам?

– А кто же еще? – Парень побледнел, но не отступал. – Я вообще не могу понять, как такая девушка могла связаться с подобным дикарем.

Дальше Юля наблюдала все сквозь слезы, как в замедленной съемке. Тяжелые кулаки Николая превратили лицо парня в кровавую массу. Парень упал,

а Николай бил его ногами по ребрам. Он остановился только тогда, когда Юля пронзительно закричала: «Спасите! Он его убивает!» Оглянувшись, быстро схватил ее за руку, протащил до проезжей части, остановил машину, втолкнул на заднее сиденье. Она рыдала всю дорогу, они вышли у дома, где Юля жила, молча вошли в маленькую однокомнатную квартиру. Юля с плачем бросилась на диван. Коля прошел в кухню, налил стакан воды из-под крана, выпил сам, потом налил еще, вернулся к Юле и протянул ей. У нее стучали зубы о края стакана, когда она пила. Он поднял ее, снял плащ, повел в ванную, умыл, как ребенка, прижал к себе. В комнату он принес ее на руках.

- Ну, что ты, маленькая? - нежно сказал Николай. - Чего ты так испугалась?

- Ты не убил его?

- Да ты что, дурочка. Я боксер мирового уровня. Неужели я не знаю, как правильно дать по морде ухажеру моей девушки, чтоб на следующий день следов не осталось?

- Это неправда. Он был весь в крови.

- Это правда. Я просто ударил его по носу, и хлынуло много крови. Придет домой, умоется, и все! Ты мне веришь?

- Да. Я же была на твоих боях. Мне всегда казалось, что ты их убиваешь, а они потом подходили и улыбались. - Юля обняла Николая, всхлипнула, уткнулась лбом в его шею. - Ты такой сильный, никак не могу к этому привыкнуть.

- А тебе понравился этот хмырь в парке?

- Ну ты что. То есть нормальный парень, конечно, смешил меня. Но как мне кто-то может понравиться...

Николай понес девушку к кровати, умело раздел, сбросил свою одежду...

Им, как всегда, было очень хорошо вместе. Юля только загнала подальше мысль о том, что временами чувствует себя в его сильных руках хрупкой, беспомощной игрушкой...

Когда поздно ночью Николай открыл ключом дверь своей квартиры, на кухне горел свет. Мать еще не спала. Она сидела за столом и молча смотрела на него.

- Ты чего? – буркнул он.

- Тетка твоя померла. Мила.

- Ясно.

- Что тебе ясно?

- А что мне может быть неясно в два часа ночи? Померла моя двоюродная тетка Мила. Давно, вообще-то, пора было. Ты чего ждешь? Рыдать, что ли, будем?

- Рыдать, наверное, не будем, просто поговорим.

Глава 6

Олег проснулся, как всегда, рано. В пять тридцать. То есть он в это время привык вставать. А сейчас просто открыл глаза, обожженные бессонницей и сдерживаемыми слезами. Быстро встал, немного размялся, постоял под холодным душем, в кухне открыл кран и долго смотрел на льющуюся воду без всяких мыслей, потом налил полный стакан, сделал глоток и почувствовал, как хочет пить. Жадно пил, взглянул на холодильник, вспоминая, когда он ел последний раз. Не вспомнил, просто понял, что есть по-прежнему не может. Преодолевая себя, достал картошку, почистил, поставил жарить, потом разогрел котлету, нарезал помидоры. Завтрак Стасу он оставит на столе. Это ужасно, но ему трудно даже с сыном встречаться, прятать глаза, говорить ни о чем...

Он натянул спортивный костюм и быстро вышел из дома. Почти бежал до парка, радуясь, что прохожих еще пока нет. В парке он заметил издали знакомых, которые, как и он, каждое утро выходят на пробежку. Свернул с аллеи, чтобы ни с кем не встречаться, не тратить силы на бессмысленное движение по отработанному маршруту. Ему не пробежка сейчас нужна, а побег от всего,

что теперь называется его жизнью. Он быстро дошел до маленькой полянки с пожухлой листвой среди старых облетающих деревьев и голых диких кустов. Остановился беспомощно. Попробовал глубоко вдохнуть, но в груди лежал неподъемный камень. Земля уходила из-под ног. Нужно за что-то зацепиться, за какую-то соломинку... Катя. Он произнес это вслух непроизвольно.

И почувствовал, что может ее звать, кричать, умолять, разрывая свое сердце, но она не услышит. Не потому что далеко. Она не захочет услышать. Особенно после того, что произошло. В первый раз за все время своей самоотверженной, запретной любви он почувствовал что-то похожее на обиду. Она всего лишь принимала его чувство. Но она не подумает протянуть руку, когда ему так одиноко и страшно. Она вообще не подумает о нем в своей упорядоченной жизни. О нем всегда думала только Мила. Бедная Мила, уничтоженная болезнью, она так старательно, с таким трудом пыталась дышать, чтоб чувствовать его рядом с собой. Мила. Она стала его ребенком, женщина, которую он выбрал в жены на всю жизнь. О чем она думала в тот момент, когда поняла, что умирает?.. Олег застонал и упал на землю. Сначала он пытался сдержать рыдание, закрывал лицо руками, потом просто вцепился судорожно в жесткую траву и кричал от нестерпимой боли, как большой раненый зверь, которого загнали в ловушку.

Обратно он шел совершенно спокойно, уверенной походкой. Как всегда по утрам, остановился у хлебной палатки, в которую в это время привозили горячий хлеб. Стоял, разглядывал прилавок, вспоминал, нужно ли что-то купить... Ничего он не вспоминал. Никто этого не видел, но он был в панцире боли и просто ловил передышку, чтобы ничего не чувствовать, ничего не предпринимать, не возвращаться в свой дом, который стал чужим и страшным. У окошка продавщицы маленькая старушка старательно укладывала батон в нейлоновый мешок. Виновато оглянулась.

– Извиняюсь, я сейчас, руки-крюки, всегда так копаюсь. – Она взглянула ему в лицо и вдруг тихо спросила: – Ты чего, парень? Может, плохо тебе? Или стряслось что?

– Да. Стряслось, – быстро ответил Олег и почти побежал к дому.

Он не понял сразу, что это она. Глаза еще не узнали, не поверили. Просто увидел тоненькую фигурку в джинсах и черной куртке с капюшоном, и сердце вспыхнуло, затрепетало... Катя пробежала несколько шагов ему навстречу и спрятала лицо у него на груди.

– Стас придет домой только вечером, – пробормотал Олег.

...И опять все было так, как не бывает. Катя, горячая, томная, чувствующая его поцелуи на всем теле до кончиков пальцев на ногах, пыталась вспомнить каждую минуту этих нескольких часов, но все растворялось в жгучей неге. А ей так нужно было запомнить каждое его слово, жест, прикосновение, вздох, стон... Чтобы сохранить это как самую драгоценную коллекцию. Она посмотрела долгим взглядом в его синие, такие родные и преданные глаза.

– Я живу на свете целых двадцать восемь лет. Мне казалось, я все знаю о жизни. Но я не представляла, что так бывает. Я постоянно думала о том, что было там, в больнице. Пыталась это как-то объяснить. Ну, там все было не так, как у обычных людей, потому что смерть была рядом. Мы воспринимали жизнь острее других. Я хотела выбраться из этого, забыть... Не получилось. И вот мы опять вместе. И я опять выпала из жизни. Какое-то чудо. Ты можешь мне это объяснить?

– Наверное. Просто еще никто и никого так не любил, как я тебя. Ты мое солнце, звездочка, ты мое все. Я хочу жить для того, чтобы ты была счастлива. Ты хочешь, чтобы мы были всегда вместе?

– Не надо, пожалуйста, – она закрыла его рот поцелуем. – Я начну думать, навалятся беды и проблемы... Давай потом. Я просила у тебя объяснения тому, что сама давно знаю. Я тоже люблю тебя. Как никогда и никого... Знаешь, я сейчас поняла одну вещь. Очень важную. Только пока не скажу.

Катя вдруг совершенно отчетливо поняла, почему не хотела детей с Игорем. Потому что отец ее детей лежал сейчас рядом с ней. Она нашла бы его везде. Она узнала бы его с завязанными глазами. Его тепло, его запах, мир в его ладонях... В общем, эта любовь как обморок, – подытожила она про себя. Не выпадать бы из него, не кончался бы этот кусочек дня, чтобы его хватило на всю оставшуюся жизнь.

* * *

Она открыла шкаф, стала быстро перебирать висящие там вещи, нервно вынимать платья, юбки, блузки, брюки. Кое-что прикладывала к себе, смотрела

в зеркало и тут же с отвращением бросала на пол в общую кучу. Все нужно менять. Ирина небрежно, ногой, отшвырнула от зеркала лежащую на полу одежду и внимательно посмотрела на свое отражение. Сильное, тренированное тело зрелой женщины в обтягивающих джинсах и свитере. Коротко подстриженные седые волосы неожиданно стильно оттеняют лицо. Ирина никогда не красила волосы, хотя седесть они стали до тридцати лет. Генетическая предрасположенность, изнурительная привычка бороться со слишком сильными страстями, с жизнью, с людьми, с собой... За что? Ну, хотя бы за то, чтобы себя ценить и уважать. Она стала пристально рассматривать свое лицо. По всем канонам оно было некрасивым, для кого-то, может, просто отталкивающим. И при этом совершенно не похожим на обычные лица большинства людей. Ирина умела оценивать себя совершенно объективно. Она знала, что может затмить десяток смазливых моделей на какой-нибудь вечеринке. В ее лице с неженственными, резкими чертами, грубой кожей, мешками под глазами были ум и сила. И укрощенная страсть.

Только в минуты слабости она отдала бы половину будущих лет жизни за нежный и женственный облик банальной красотки. Конкретной красотки. С большими, грустными темно-серыми глазами, длинными ресницами, пухлым детским ртом, волнистыми русыми волосами... Ирина вспомнила, как та девушка провела тонкой рукой по плечу Олега, прощаясь, и ей захотелось разбить зеркало.

Минуту она стояла, крепко сжав зубы. Напряженные скулы, тяжелый, выдвинутый вперед подбородок, небольшие цепкие и несчастные глаза. Она смотрела себе в лицо, и ей хватило самоиронии подумать: «Это физиономия влюбленной женщины, не иначе. Жалко, он не видит. Кто может сравниться с Матильдой моей...»

В следующую минуту она порывисто схватила телефон и набрала номер.

– Олег, привет, – голос ее звучал спокойно, даже небрежно. – Слушай, я чего звоню. Отпустила сегодня всех пораньше. Приняли два хороших заказа. Все дела в норме. Чего сидеть? Согласен?

– Да, конечно, спасибо.

– Тебя не интересует, какие заказы?

- Ир, потом, ладно? Завтра с утра, на работе, а то...

- Ты занят?

- Ну, не то чтобы... Просто... Немного занят, да.

- Я понимаю. Столько дел сейчас. Понимаю. Тогда пока. Я как раз тоже хотела кое-чем заняться.

- Пока. Спасибо, что позвонила.

Врать он не умел. И не хотел. Таким голосом мог говорить не тот мужчина, который готовится жену хоронить, а тот, кто лежит в постели с женщиной. С любимой женщиной. С той самой. Ирина, совершенно опустошенная, села на диван, бессильно положила руки на колени. Что она могла поделать? Разбежаться и разбить себе голову о стену? Чтоб отравить ему эту, в общем, преступную в данных обстоятельствах страсть? Так не отравит же. Он и не заметит. Если голова ее останется наполовину цела, он придет и на голубом глазу компресс к ней приложит. Да, с ним это не метод. Она привела себя в чувства достаточно быстро. Собралась, встала, напряглась, как для прыжка. Кто-то может позволить себе расслабляться, а ей нужно работать. Деньги зарабатывать. Она с ее деловой хваткой и компетентностью сидит в замах у Олега по нынешним понятиям за гроши. Неплохая у него фирма - они строят хорошие коттеджи по индивидуальным проектам. Но... у них вся зарплата белая, налоги черные, доходы прозрачные. И дерут с них все, кому не лень: за аренду помещений, за стройматериалы, за всякие-разные согласования, утряски. Олег считает, что они сами должны всех чиновников накормить. Заказчики тут ни при чем. Заказчики от их цен обалдевают и начинают искать подвох. Когда не находят, наглеют. Хотят небо в алмазах за ту сумму, которую только Олег может считать оптимальной... Ирина поставила бы все так, что у них конкурентов бы просто не было. Оставила бы все, как есть, - лучше не бывает, - но выставила бы суммы, на которые вся эта разбогатевшая рвань полетела бы, как мухи на мед. Вот и весь секрет успеха. Но она работала у Олега не ради денег, а ради него самого.

Ирина не перешла бы на другую работу, даже если бы Олег вообще перестал ей платить. Работать где-то параллельно - невозможно, нет ни времени,

ни желания. Она просто бомбила на своем джипе по вечерам и ночам. Все равно на месте не сидится, не спится, ни о чем хорошем не думается. А ездить она любила.

Глава 7

Стас приехал к Славе Земцову вечером, после работы. Накануне обдумывал варианты ответов на возможные вопросы, с отцом советовался. Сошлись на том, что говорить нужно коротко, ничего лишнего, главное, спокойно. На последнее отец особенно напирал. Проблема в том, что у Стаса все из головы вылетело, когда он в это здание вошел. Ни фига себе – отдел по расследованию убийств. И он, Стасик, то ли пострадавший, то ли свидетель, то ли вообще подозреваемый.

– Заходите, Станислав Калинин, – пригласил следователь, когда он открыл дверь.

– Здравьете, – пробормотал Стас, подозрительно посмотрев на непринужденно сидящего на диване Сергея Кольцова.

Этот тип уже ошивался у них в доме, людей спрашивал о чем-то, Стас видел. Ищейка какая-то. Стасу он страшно не понравился. Он демонстративно сел к Сергею спиной, придвинув стул к столу следователя Земцова. Слава улыбнулся.

– Сами рассказывать начнете или вопросы лучше задавать?

– Про что это я рассказывать должен?

– Понятно. Будем детский сад изображать. Придется вам помочь. Итак, Станислав Калинин, мы расследуем дело о насильственной смерти вашей матери. Вы в курсе. Что-нибудь сами хотели бы сообщить об обстоятельствах?

– Я не знаю никаких обстоятельств.

- Не очень хороший ответ. Кто, кроме вас и вашего отца, может знать обстоятельства, предшествовавшие смерти Людмилы? По-моему, вы заинтересованы в том, чтобы помочь нам разобраться.

- Лучше спрашивайте. Я вообще не знаю, про что говорить.

- Хорошо. Вы делали уколы маме?

- Нет.

- Конечно, делал, - произнес Сергей со своего дивана. - Соседка сказала, что он ей жаловался на отца. Поручает ему уколы делать, а у него плохо получается.

- А че у меня должно получаться, - гневно повернулся к нему Стас. - Я санитар или кто? Там кости одни, куда колоть.

- Понятно, - спокойно сказал Слава. - Уколы вы делали, но у вас это не очень хорошо получалось. Есть предположения по поводу того, кто мог ввести вашей матери смертельную дозу лекарства?

- Откуда у меня предположения....

- Любили маму?

- Как все, - пожал плечами Стас.

Сергей встал с дивана и подошел к столу.

- Послушай меня, старик. У нас не очень много времени, чтобы говорить с тобой ни о чем. Это, во-первых. Во-вторых. Все относится к своим матерям по-разному: кто-то любит, кто-то - нет, кто-то вообще убить готов. В-третьих, давай-ка переходить от общих вопросов к конкретным. Лично ты жалел свою мать, хотел, чтобы она выздоровела, пытался ее страдания облегчить? Или - слушай меня внимательно - она тебя раздражала, мешала, ее болезнь сказывалась, к примеру, на твоей личной жизни?

- А че он... - Стас посмотрел на Славу.

- Это следователь, который работает по нашему делу. Отвечай ему, - невозмутимо сказал тот.
- Ну, жалел, конечно. Ну, не то что раздражала. Кому понравятся все эти лекарства, пеленки, горшки? Че тут такого?
- Ничего особенного, - пожал плечами Сергей. - Когда все живы. Говорят, девушка у тебя есть?
- О! Валентина Петровна из тридцать пятой доложила. Ну, есть. А че, нельзя?
- Странный ты все-таки. Ты после каждого ответа свой риторический вопрос будешь задавать?
- Че задавать?
- Проехали. Жениться хочешь?
- Какая женитьба? Говорю ж, больничка у нас, а не дом. Уколы, лекарства, пеленки, горшки...
- Ну, вот все это и кончилось. Теперь хочешь?
- Не знаю. Ну, чтоб сильно спешил, так нет...
- А девушка хочет замуж за тебя выйти?
- Я у нее не спрашивал.
- Последний вопрос, - вмешался Слава. - Отец когда-нибудь говорил, что мать мучается, к примеру, что жить не хочет инвалидом тяжелым, устала?
- Батя... Не-а. Ничего такого. Говорил, что она сказать не может, но ей все про меня интересно. Чтоб я типа ей рассказывал. Будто ей с нами хорошо. Это он точно говорил.

- Спасибо, Стас. Вы свободны.

- Ну, что? - спросил Слава у Сергея, когда за Стасом закрылась дверь. - Что твой частный нюх говорит про этого парнишку? Мог он матери того, конец ускорить?

- Однозначно. Отец хоть и военный, но мужик сложный. Парень проще армейского сапога. Хоть и программист.

- Странные у тебя классификации.

- Не обращай внимания. Это авторский метод. Мама ему мешала. Жениться надо, как любому недорослю. Ну а с этими горшками он меня просто достал. Знаешь, как такая, мягко говоря, деталь может простейшие мозги перевернуть.

- Я думал всегда, что простейшими бывают только глисты. Но мысль твоя, как и аналогия, понятна. Ставим плюстик. Подозреваемый.

* * *

Ирина мчалась на своем послушном джипе, краем глаза отмечая людей, которые ловили машину у дороги. Девушка в легкой синтетической курточке поверх вечернего платья - в клуб она собралась, - пара с маленьким ребенком, женщина с огромным чемоданом на колесиках, там и сям люди - группами и поодиночке - с клетчатыми, набитыми тряпьем сумками. Всем кажется, что у них есть дела, а все дела сводятся к тому, что людям нужны деньги. Вот и Ирина выехала заработать, пролетает мимо клиентов с кошельками, а останавливаться ей не хочется. Видеть близко никого она не желает, прекращать движение невозможно: сразу душа занает, а мысль о том, чтобы вернуться домой, просто пугает. И все же она чуть сбавила скорость. Центр. Можно встретить интересного человека. Ну, хотя бы этого. Высокий, чуть сутулый, в очках, где-то около сорока, черная кожаная куртка, джинсы и «профессорский» портфель. Недалеко МГУ. Наверняка преподаватель. Она остановилась.

- Садитесь.

- Да? - почему-то удивился очкарик. - Вам удобно в мою сторону?

- Мне удобно заниматься частным извозом. Садитесь и говорите, где ваша сторона.

- Да, конечно. Извините.

Он сел рядом с ней, стал суетливо пристегиваться, роняя портфель, поднимая его, цепляя ее. Ирина спокойно взяла портфель из его рук и перебрала на заднее сиденье.

- Так ничего? Вы спокойно с ним расстанетесь на время?

- Конечно. Спасибо. Я расстанусь.

- Куда едем?

- Домой. То есть на Остоженку.

- Поехали домой. - Ирина прямо взглянула на своего спутника: высокий лоб под светлыми волосами, беспомощные, близорукие глаза за большими очками, тонкие, почти женские черты лица. Вечный отличник. Маменькин сынок. - Дома мама ждет или жена? Или обе?

Он смущенно взглянул на Ирину.

- Никто не ждет. Мама умерла два года назад. Жены нет.

- Понятно. Выбрал науку.

- Ну, так получилось.

- Слушай, как тебя зовут? А поехали ко мне? Я тоже одна. И мне тоже тошно, как и тебе, наверное.

- Неожиданно как-то. Меня зовут Алексей. Вроде неудобно. Я хотел дома поработать... А как вас зовут?

– Ира. Мы уже на «ты», не заметил? Ты не думай, я не маньячка и не нимфоманка, мужиков не снимаю. Как правило. Просто сегодня день плохой. Боюсь, вечер будет очень плохим. Предлагаю нам вместе это исправить. Готовлю я хорошо. У тебя такого ужина точно нет. Коньяк, вино, водка, виски – все это имеется. Ты что любишь?

– Да я вообще не по этой части. От крепких напитков мозги тупеют, спать хочется. Ну, вина бы выпил, конечно. Ужин... Если честно, у меня вообще ничего нет. И в магазин лень было заходить. Стоял, вспоминал, есть у меня макароны или не было их никогда.

– Я так и поняла. Значит, едем.

Ирина пропустила Алексея в квартиру, закрыла входную дверь, кивнула ему на вешалку. Смотрела, как он снимает куртку, туфли. Достала из шкафчика тапочки, бросила ему. Все думают, что у нее коллекция мужских тапочек. На самом деле у нее просто 42-й размер обуви. Специальные тапки для единственного мужчины она покупала только в мыслях. А он очень даже ничего, этот Алексей. Фигура нормальная, сутулиться просто привык. А близоруких она любит. Ей кажется, что у них глаза детей. Может, это что-то из оперы про нерастраченное материнское чувство.

– Мой руки здесь, это чистое полотенце, можешь умыться, если хочешь. Иди в гостиную, включай телевизор, отдыхай. Ужин будет через десять минут.

На кухне она достала из холодильника салат с креветками и маслинами, выложила на блюдо нарезку балыка, открыла банку с малосольными помидорами, сунула в микроволновку настоящие хачапури, которые для нее готовили в соседнем грузинском ресторанчике. Подумала у бара, выбрала итальянское красное вино и графинчик водки. Вино для тех, кому мозги беречь надо. А нам, частным извозчикам и отвергнутым бабам, водка в самый раз.

Ирина внесла в комнату ужин на большом подносе. Алексей ахнул. Она сказала: «Это не все. Еще будут фрукты и сладкое. Ты наверняка сладкоежка. По очкам вижу».

– Да, – растерянно подтвердил Алексей.

Ирина налила в бокалы вино и произнесла.

– Леша, будь другом, принеси вилки и ножи, я забыла, вставать неохота.

– Где они? – с готовностью вскочил Алексей.

– Ну, там, в ящике на верхней полке. Ты сразу увидишь.

Он сразу не увидит. Ирина спокойно достала из шкафчика упаковку и высыпала содержимое двух капсул в бокал Алексея. Она всегда с полувзгляда умела определять, на что способен мужчина в любви. Ну, когда о любви нет и речи. Такому зажатому, неопытному интеллигенту непременно требуется помощь. Как же он удивится, почувствовав жгучую страсть к случайно встреченной тетке не первой свежести и, прямо скажем, не большой красоты. А Ирину сейчас успокоит только иллюзия страсти. Иначе она сгорит в клетке страсти настоящей. До которой ему нет дела.

Глава 8

Рабочие подошли близко к гробу Людмилы Калининой. Прощание закончилось. Пора закрывать. Сергей и Слава, стоя неподалеку за оградой другого участка, внимательно разглядывали небольшую, на редкость молчаливую и сдержанную группу людей. Никто не общался друг с другом, никто не плакал. Олег смотрел в лицо жены потемневшими, измученными глазами. Рядом стоял угрюмый Стас. Очень бледная женщина со светлыми волосами, выбивающимися из-под черной косынки, все время нервно поправляла покрывало, икону на груди Людмилы.

– Это Надежда, подруга, однокурсница, – показал на нее Сергей Славе. – Она к ним ходила. Тоже давала лекарства, делала уколы. Олег ей очень доверял. Соседки сплетничают, что она к нему всю жизнь неровно дышит. А вот эта девушка – Аня, невеста, или как там, Стаса. С ней ее мать Вера. В их доме поговаривают, что эта Вера спит и видит, как бы дочь выпихнуть замуж за Стаса.

– А это что за личности? У нас вроде не проходят такие.

- Это двоюродная сестра Милы - Лидия с сыном Николаем. Он мастер спорта по боксу, чемпион чего-то. Не были особенно близки. Редко у них бывали. Или просто у нас мало информации пока.

- Ну, кто эта царевна - тут и гадать нечего. Это наверняка твоя Катя.

- Ну, да - Сергей с сочувствием посмотрел на девушку с огромными, распахнутыми в смятении темно-серыми глазами. От нее как будто все сознательно держались подальше. Она казалась страшно одинокой. - Зря она пришла. Они на нее смотрят, как на убийцу.

- Красивая девушка. В такой ситуации всем очень легко ее возненавидеть. А это кто?

К могиле быстро шла уверенная, рослая женщина с непокрытыми голубовато-седыми, коротко подстриженными волосами. Ее лицо с резкими чертами было некрасивым и в то же время привлекающим внимание. В нем было много силы и чувства...

- Это заместитель Олега. Ирина Васильева. Я видел ее на фирме мельком. Однако... Объект, заслуживающий внимания.

Ирина, легко раздвинув неплотную группу людей у гроба, подошла к Олегу и порывисто взяла его за руку. Олег спокойно взглянул на нее, ответил на пожатие и отнял руку. Он подошел к гробу, поцеловал жену в губы и перекрестил ее. Затем кивнул рабочим.

Сергей и Слава быстро направились к выходу с кладбища.

- Ну, и чего? - спросил Сергей в машине. - Кто у нас убивец? На взгляд следака на маленькой зарплате и с мечтой о премии.

- Да на этот взгляд - все. Начиная с безутешного вдовца и кончая твоей разневинной и распрекрасной Катей.

- Понятно. Другого мнения не ждал. А мне, знаешь, кто понравился? Вот угадай.

– Без проблем. Заместитель. Подлетела, ручку пожала. При мертвой жене и живой любовнице.

– Это кто любовница?

– Слушай, не надо. Может, я плохой следователь, но кто с кем спит – я за версту вижу.

– Ладно, не стану спорить. Я так для себя решил. Буду с тобой в этом деле дружить, чтоб ты дров не наломал. А заместитель – да, колоритная дама. На массовку не тянет.

– Ох, да ты ж у нас почти сценарист. Чуть не забыл. Может, мне ее задержать по подозрению, эту Ирину? По подозрению в том, что она хочет мужика отбить у твоей Кати.

– Как ты мелко мстишь. А если серьезно, с таким лицом можно и убить, и спасти, и народное восстание возглавить. Впечатлила она меня, честно. Хотя выбор сейчас был действительно большой. Стас, его девица, мать его девицы, двоюродная сестренка с двоюродным племянником – морды у них какие-то каменные.

– Сережа, у нас ведь не конкурс красоты. Нам мотив нужен. А мотив... Ладно, успокойся. Сегодня слово «Катя» больше не произнесу.

– Надеюсь. Да, подруга эта, блондинка с дрожащими руками, – она тебе как?

– Так же, как и тебе, – хмыкнул Слава. – Допрашивать надо. Что-то она тряслась больше всех.

* * *

Алексей сидел в своем кабинете и пытался собраться с мыслями. Систематизировать то, что пока не вписывалось в систему. Он, сорокалетний, свободный мужчина, имел какой-то опыт общения с женщинами. Было одно болезненное воспоминание, когда девушка, спокойно расставшись с ним после ночи любви, поехала в загс с другим. Он переживал, пережил и сделал для себя

вывод: он – не роковой мужчина. Чего и следовало ожидать: наука всегда интересовала его больше, чем женщины. Из этого он и исходил впоследствии. Был очень осторожен в плане чувств. Романы, конечно, бывали, в основном с аспирантками, пару раз со студентками. Но он был вооружен четким алгоритмом: всегда знал, когда пора отступить, чтобы не увязнуть, когда вообще надо спасаться бегством от слишком инициативной охотницы за мужем. Увлекался ли он кем-нибудь после той несчастливой истории? Возможно... Черт. Если нельзя ответить самому себе однозначно, получается, что нет. Что же произошло с ним этой ночью?

Он сел в машину к немолодой и не очень красивой женщине. Да, в даме что-то есть. Поэтому он так легко согласился поехать к ней домой. Он не ошибся: она действительно незаурядный, глубокий, непонятный человек. То есть ему интересно ее узнавать. Ну, и самое главное. Он не обладает столь бешеным темпераментом, чтобы возжелать чужую женщину с первого взгляда. Он и не возжелал. Но вдруг почувствовал такую страсть, какой не испытывал никогда в жизни. Алексей был не настолько невинным, чтобы не понимать, что произошло. Да, какой-то стимулятор ему явно подсыпали. Он проснулся рано утром, посмотрел на помятое, в морщинках, вроде бы совсем незнакомое лицо, на седые спутанные волосы, вспомнил свои ночные безумства... И с трудом сдержался, чтобы не прижать Ирину к себе. Ему вдруг захотелось здесь остаться, не пойти на работу, забыть обо всем. Что это было? Пролонгированное действие препарата? Разбуженная этим препаратом чувственность? Или просто он никогда не встречал такой женщины, ни на кого не похожей, страстной, сильной и в то же время ранимой и гордой? В ее жизни сейчас что-то сложное происходит. Он это понял.

Он тихонько встал, принял душ, оделся, склонился над кроватью. Ирина открыла глаза.

– Привет, – сказала она. – Уходишь? Может, позавтракаешь?

– Я опаздываю. Мне нужно кое-что сделать до лекции.

– Возьми с собой что-нибудь на кухне. Перекусишь по дороге. Если бы ты подождал, я бы тебя подвезла.

– Ну, что ты. Поспи еще. – Он погладил ее по щеке и быстро вышел.

Ирина окликнула его.

– Мобильный свой назови, я сейчас наберу, у тебя будет мой.

Так они расстались. Алексей взял телефон, посмотрел на ее номер. Зачем-то. Он запомнил его с первого раза. Он зажмурил глаза, крепко, как в детстве, когда загадывал желание. Алексей его загадал. Он хотел опять встретиться с Ириной.

Глава 9

Стас провел вечер с Аней в ночном клубе. Настроение было неважное. Выпивка его не поправила. Вот чувствовал он: что-то неприятное она ему скажет. Вид у нее был какой-то неприступно-загадочный. Ну, и сказала. Выбрала время, когда они медленный танец танцевали, прижалась и говорит:

– Ты хочешь, чтобы я никуда не уходила?

– Ты чего, переночевать у нас собираешься? Я не знаю. Отец дома.

– Нет, вообще, чтоб никогда не уходила.

– Не понял.

– Дурак, что ли? Я, можно сказать, предложение тебе делаю. Ну, замуж за тебя хочу. Так понятно?

– Понятно. Только че это вдруг?

– Это называется «вдруг»? Ну, я не знаю. Мне, что ли, до пенсии с тобой спать, когда твой отец или моя мама из дома уйдут?

– А чего ты вообще раскипятилась?

В общем, испорченный вечер оказался. Ругались они в клубе и всю обратную дорогу до ее дома. Он даже не поцеловал Аню на прощание. Махнул рукой и пошел.

Вошел в квартиру. Отец оставил для него свет в прихожей и на кухне. Сам не спит видно тоже. В его комнате из-под двери пробивается неяркий свет настольной лампы. Стас не стал к нему заходить, прошел на кухню, открыл холодильник, залпом выпил бутылку холодной минералки. Посмотрел, может, выпивка какая-то осталась с поминок, но ничего не обнаружил. Голова, впрочем, и так была тяжелая. Добрести бы до кровати и уснуть поскорее, только чтоб Анька не приснилась со своей женитьбой.

Стас прошел в свою комнату, побросал на пол снятые вещи, залез под одеяло, накрылся с головой, закрыл глаза. Его качнуло на волне сна. И вдруг сильный спазм сжал горло, грудь, отдался острой болью в желудке. Он хотел закричать, позвать отца, но крик не получился. Стас, весь в холодной испарине, с трудом поднялся, сделал несколько шагов и упал навзничь. Олег вбежал в его комнату тут же, услышав стук падающего тела. Он схватил сына на руки, дотащил до кровати, бросился в ванную за мокрым полотенцем, нашел в аптечке камфару.

– Сынок, проснись, скажи, что случилось. – Он с ужасом видел, как синеют губы сына, как черные тени появляются под глазами.

Олег набрал ноль три, прокричал адрес:

– Срочно, мой сын умирает!

Все остальное он опять видел, как в замедленной съемке. Это было каким-то ужасным повторением. Врачи, склонившиеся над Стасом, уколы, массаж сердца... В это время Стас вдруг захрипел, и его вывернуло прямо на подушку.

– Это отравление, – повернулся к Олегу врач. – Сильное, возможно, химическое отравление.

– Он умирает? – еле выговорил тот.

- Он в тяжелом состоянии. Везем в реанимацию. Собирайтесь быстро. Сейчас позвоню, чтобы с носилками поднимались.

- Не нужно носилки, - прохрипел Олег.

Он завернул сына в одеяло, поднял и понес к машине. По дороге он держал руку на пульсе Стаса. Достал телефон, нашел номер Сергея.

- Это Олег Калинин. У меня вроде сына отравили... Мы в Склиф едем. В реанимацию.

Сергей нашел Олега у двери реанимации.

- Быстро говорите. Где он был? Что пил-ел дома?

- Был с девушкой в клубе. Потом, я слышал, на кухню заходил. Наверное, пил что-то... Потом... упал у себя. «Скорая» приехала через пять минут. Что-то кололи. Глюкозу вроде, не знаю.

- Я вызываю бригаду, сейчас заедут за ключами от вашей квартиры, все там посмотрят, что надо - возьмут на экспертизу. Ключи сюда же завезут. Вам дома нужно все выбросить - продукты, напитки, понятно?

- Да. Звоните.

Сергей позвонил Славе, потом вместе с Олегом стал нетерпеливо смотреть на дверь.

- Калинин, - произнес, появившись, врач.

- Что? - рванулся Олег.

- Ваш сын жив. Без сознания еще. Похоже на отравление синильной кислотой.

- Но... это же... - Сергей запнулся.

– Нет. Доза не та. Он, видимо, до того хорошо и плотно поел, что тоже замедлило ее действие. Очень быстро была оказана помощь. Есть антидоты... ну, неважно. Просто такие вещи не попадают в человека случайно. Вот я к чему. В испорченном пирожном яда не бывает. То есть мы должны сообщить в милицию.

– Вот она, – устало кивнул на Сергея Олег. – Он уже вызвал наряд, сейчас ко мне за ключами приедут, квартиру будут обыскивать.

– Хорошо, – кивнул врач. – Тогда подойдете ко мне примерно через час, нужно бумаги оформить.

– Это сделает следователь. Я – частный детектив. Извините, отвлеку вас на минуту. Его могли отравить в клубе? Он там был с девушкой весь вечер? – спросил Сергей.

– Нет. Он бы там и упал. Яд быстро действует.

– Какой у вас прогноз?

– Надеюсь, все будет в порядке. Говорю ж: доза недостаточная. Не пожадничали бы, говорить не о чем было бы. Извините за черный юмор.

– Да что вы. Конечно. Спасибо, все понятно объяснили, – задумчиво произнес Сергей в спину доктору.

– Что он хочет сказать? – нетерпеливо спросил Олег. – Что Стасика хотели убить? Специально?

– Ну, Олег. Экспертиза все прояснит. Если это действительно синильная кислота, то вроде она в клубе не применяется даже для мытья посуды. Вы у себя в доме тоже вряд ли ее держите. Я понимаю весь ужас ситуации... Но надо взять себя в руки и помочь нам во всем разобраться. Пожалуйста, подумайте, вспомните все, что можете... А вот и ребята. Олег, давайте ключи, расскажите им, что да как. Слава, ты с ними? Тебя через час врач просил зайти. Там подписать что-то нужно.

– Я поеду, конечно. Акт составим, все, что сможем, возьмем на экспертизу... Олег, мне очень жаль, что вы опять в беду попали. Что врач говорит?

– Что доза недостаточная, – сказал Олег и сжал плотно губы, подбородок у него задрожал. – Стасик. За что ему достаточная, вот скажите?

– Все будет хорошо, – попытался бодро произнести Слава. – Сережа, ты побудешь с Олегом? Дождешься меня здесь?

– Естественно.

– А пока проводи меня немного. Все как-то неожиданно вышло, мягко говоря...

Они молча вышли на улицу.

– Ты у него поспрашивай: вдруг вспомнит, кому его сын может мешать. – Слава долгим взглядом посмотрел на Сергея. – Я мог бы этого не говорить, сам понимаешь, наверное. Но... жена и сын мешают любовнице. Это первое, что приходит на ум.

* * *

Надежда все утро набирала телефон Олега, но он сбрасывал звонки. На ее нежном бледном лице появились нервные красные пятна. Она металась по квартире, не находила себе места, вновь и вновь нажимала его номер. Наконец, вспомнила, что у нее есть его рабочий телефон. Сразу ответил резкий женский голос.

– Извините, – задыхаясь от волнения, сказала Надежда. – Мне Олега Витальевича, пожалуйста.

– Его нет.

– А можно узнать, когда он будет?

– У меня нет такой информации. Могу что-то ему передать, если у вас срочное дело.

– Понимаете, я его знакомая. Знакомая их семьи. Надежда. Я говорю с заместителем Олега? Вас Ириной зовут, да?

– Да. Но я и в этом случае ничего другого сказать не могу.

– Не можете?.. Но что же делать? Я не знаю...

– Что-нибудь случилось?

– Ирина, – горячо заговорила Надежда. – Я боюсь, что случилось. Я звоню ему уже несколько часов подряд. Телефон или не отвечает, или звонки сбрасываются. Домашний молчит. Номера Стаса я не знаю.

– Ну, у него могут быть дела, встреча, к примеру. Не вижу повода так волноваться.

– А я вижу. Он всегда отвечает.

– Да? Вы в этом уверены? Извините. Но я действительно думаю, что вам придется подождать. Если он появится, я передам, что вы звонили.

– Нет, лучше не надо... А вдруг у него действительно дела, а я его отрываю. Я потом сама...

– Как вам будет угодно, – Ирина разъединилась и застыла в задумчивости, плотно сжав губы.

Она часто слышала, как Олег с работы разговаривал по телефону с этой Надеей. Он называл ее подружкой Милы. Она без него приходила в их квартиру, что-то там делала, ухаживала за его женой... Невыразительная блондинка с мягкими чертами лица, аккуратной фигуркой. Лет пятнадцать-двадцать назад была наверняка милой девочкой. Мальвиной. Не замужем. Постоянно рядом с ними. Рядом с Олегом. Ирина встала, медленно подошла к двери кабинета и закрыла ее на ключ. Затем достала из кармана пиджака бумажный носовой платок

и стала рвать его на мелкие клочки. Сосредоточенно и быстро, как будто делала срочную работу. Выбросила клочки в корзину для бумаг и вздохнула. Иногда такая мелочь помогает взять себя в руки. Ревность. Это то, от чего Ирине нужно уводить себя как можно дальше. Если она что-то отпустит в себе, вялый мавр Отелло просто побледнеет. Так. Все в порядке. Она повернула ключ в двери, вернулась за стол. Теперь главное: действительно что-то случилось или у этой неврастеничной Надежды просто крыша едет из-за того, что мужик в руки не дается?

Ирина набрала номер Олега. Долго ждала, дала отбой. Продолжала сидеть неподвижно, почти оцепенев: а что, если на самом деле случилось? Она вздрогнула от звонка. Он!

- Ира, ты звонила? Что-то на работе?

- Да нет, ничего срочного, просто тебя спрашивали...

- Меня не будет сегодня. Возможно, и завтра тоже. Ира, прими все дела, ладно?

- Что-то...

- Да. Стасика отравили. Он жив, но в тяжелом состоянии. Я в реанимации. Все.

Ирина положила трубку, хотела подняться, но у нее ослабли колени. В кабинет заглянула секретарша:

- Ирина Викторовна, я... ой, что это с вами? Вы ж бледная как смерть. Может, воды принести или «Скорую» вызвать?

- Выйди. Я сейчас. Таблетку выпью.

Ирина дотронулась ладонями до щек: они были холодными. Кровь отлила. Как сказала эта идиотка, она наверняка бледная, «как смерть». Ирина вошла в туалетную комнату, умылась, вытерла лицо жестким бумажным полотенцем. Лицо чуть порозовело. Но ей было страшно, как в жутком сне, когда невозможно вырваться из него. Она услышала звонок и вернулась в кабинет.

– Ирина? Это Алексей. Помните меня?

– Конечно.

– Как ваши дела?

– Нормально.

– Я к тому, что мне вечером очень понадобится частный извоз.

– Жди на том месте. Я приеду в девять.

Глава 10

Вера накормила завтраком сына, сунула ему деньги в карман, помогла застегнуть куртку. Механически подумала, как и каждое утро, что надо бы новую купить. Когда за ним захлопнулась дверь, она постояла в прихожей, решая, с чего начать. Елки-палки: тут начни, не закончишь никогда. В магазин надо, убирать надо, стирка накопилась, а к трем ей нужно бежать вахтерить в одном офисе. До позднего вечера. Сейчас Анька встанет, так она за собой даже тарелку не помоеет. Вера зевнула. Ну, и ей необходимо поспать, откуда силы брать на все. Она вернулась в спальню, по дороге сбросила халат на стул, с наслаждением забралась под одеяло и заснула бы в следующую минуту, если бы не раздалось над ухом:

– Мам, ты спишь, что ли?

– Да, – не открыла глаз Вера.

– Мам, ты что! Проснись! Тут такое! Не, у него крыша поехала, чесслово.

Вера открыла глаза, села, внимательно посмотрела на дочь. Та сжимала в руках мобильный телефон, вся красная, встрепанная...

– Случилось-то чего? Давай по порядку.

– Не, ну, звонит Олег Витальевич, папа Стаса. И сразу говорит: «Аня, у вас ключи от нашей квартиры. Я хочу предупредить, что сегодня меняю замки». Ты представляешь?

– Что я представляю? Дальше он что сказал?

– Ну, Стаса вроде отравили, говорит... Я вообще не поняла ничего.

– Ты идиотка? Об этом надо было спрашивать! Что значит, отравили? Он жив? Кто отравил? Где? Ты хоть что-нибудь спросила?

– Так он ничего и не сказал. Ну, только что в больнице Стас. А потом сразу про ключи. И все. Отбой.

– Звони ему. Беспокойся! Спрашивай, в какой больнице, что нужно привезти, чем помочь.

– А я боюсь. У него голос был вроде недовольный. Небось думает, что это я Стаса отравила.

– Я б сама так подумала, если б не знала, что у тебя мозгов не хватит даже на это.

– А зачем мне мозги на это, что-то я не поняла.

– Да я к слову. Ни на это, ни на что другое. Набери его, дай мне телефон.

– Олег Витальевич? – голос Веры стал проникновенно-озабоченным. – Здравствуйте, Олег. Мы тут с Аней места себе не находим. Она так расстроилась из-за вашего звонка, что даже ни о чем не спросила. Я говорю: давай звонить. Нужно что-то делать, бежать, помогать. Вы в какой больнице?

– Вера, – устало произнес Олег. – Бежать сейчас никуда не надо. К Стасу пока не пускают. Ему ничего не нужно. Я просто сообщил Ане, что у нас случилось, и сказал, что мне придется замки поменять. Чтоб она знала, если захочет

приехать. Я всех знакомых, у кого есть наши ключи, предупреждаю.

- Ну, как же... Как это могло случиться? Когда?

- Вчера ночью. Больше, к сожалению, я сам ничего не знаю. Извините, просто сил нет говорить. Тяжелая ночь.

- Я понимаю. Спасибо. Можно мы будем звонить?

- Конечно.

Вера долго сидела неподвижно, глядя в стену.

- Мам, ну чего?

- Да что ты заладила: чего-чего? Ничего он мне толком не сказал. А я вот о чем думаю. Ты ж вчера до ночи в клубе со Стасом была. Тебя вызовут в милицию на допрос, наверное.

- Какой допрос? Ни фигасе. Что еще за допрос?

- Слушай. Вы не ругались?

- Ругались. Из-за тебя, между прочим.

- Что значит, из-за меня?

- Ну, ты ж сказала: надо срочно нам жениться, пока Олег сам того... Не женился. Я и предложила. Стас как попер: ты чего, что за предъявы. Ну, не хочет он особо, вот и все.

- Так. Ты, как всегда, все сделала по-умному. Помолчи. Я думаю. Вроде не должны тебя подозревать. Ты ж не знала, что он не захочет, откуда у тебя это... Чтоб отравить.

– Вот я пришла с тобой посоветоваться, как с матерью, а мне только хуже от твоих разговоров стало.

– Мне, что ли, лучше... Я вообще ничего не пойму. Что нам делать-то сейчас? Но что-то делать надо.

* * *

Лидия пробовала сваренный борщ, когда открылась входная дверь. Коля пришел с тренировки. Она решила, что нужно добавить соли в кастрюлю, потом поняла, что Коля пришел не один. Этого она не любила. У его девицы есть своя квартира, пусть там и встречаются. С какой стати она будет чужого человека кормить?

– Мама, – позвал Николай из комнаты, – может, выйдешь? У нас для тебя сюрприз.

Лидия сняла фартук, вытерла руки о кухонное полотенце, медленно вышла в прихожую. Юля стояла рядом с ее сыном. Ее шикарные, обычно распущенные волосы, были собраны в высокую прическу. В руках она держала букет белых роз. Коля вынимал из пакета и выкладывал на стол какие-то дорогие продукты, фрукты, несколько бутылок шампанского. У Лиды оборвалось сердце. Неужели он это сделал? Она молча уставилась на сына, пытаясь поймать его взгляд.

– О! Перепугалась! – рассмеялся Коля. – Ребенок не пошел в детский сад, а сходил и женился.

– Ты что сказал? Это правда?

– Нет, мама, я пошутил, что паспорт свой проштамповал. Да поженились мы, поже-ни-лись, – разъяснил он по слогам, наслаждаясь ее растерянностью.

– И ты мне ничего не сказал?

– Мама, ну все так здорово получилось. Я с приятелем разговаривал, он говорит: у меня в загсе знакомая, распишет без всякого ожидания, очереди, церемонии. Я Юльку в охапку – и все! Она тебе невестка, ты ей – свекровь. Знакомьтесь, будьте любезны.

– Извините, Лидия Ивановна, что так получилось. Я говорила Коле, что нехорошо как-то... Но, знаете, он не любит всякие очереди, вот мы и помчались. – Голос Юли был таким виноватым, а лицо расстроенным, что Лидия даже пожалела ее.

– Да ладно, девочка. Невестка так невестка. Ты не подумай. Я не против тебя. Просто хотелось, чтоб все по-людски...

– А мы по любви, – Николай схватил Юлю в объятия и стал целовать.

– Хорошо, что по любви, – пробормотала Лидия и быстро ушла на кухню.

Там опустилась на табуретку. Как-то она всегда отгоняла эту мысль. О том, что ЭТО придется терпеть. Лидия, наверное, была задумана природой как старая дева. Она еще не знала толком, в чем разница полов, но когда встречала мальчика на улице, внутренний голос ей говорил: это враг. С таким отторжением от мальчишек-одноклассников закончила школу, сокурсники по строительному техникуму просто вызывали у нее отвращение. Впрочем, она и в подругах не нуждалась. Ей хорошо было в одиночестве... Однажды поехала на практику на объект, вышла вечером из гостиницы, встретила бывшего сокурсника по техникуму. Он в том городе работал. Пригласил в ресторан. Посидели, пришли в ее номер... Ну, случилось... Никогда не объясняла себе, почему. Может, всего лишь хотела узнать, что это такое. От чего бегала, как от чумы? Узнала. Решила: бегала правильно. Что беременна, поняла на четвертом месяце. А до этого думала, просто надорвалась – на стройке приходилось тяжести таскать, потому и задержка. Жила она с матерью в маленькой двухкомнатной квартире, зарабатывать стала нормально. В общем, решила рожать. Девку хотела. Родился Коля. И все. Вся ее жизнь с тех пор называлась – Коля. Мама умерла рано. Они привыкли жить вдвоем. А он взял и все нарушил... Лида совсем не понимала, как теперь все делить на троих. Непростая у них жизнь.

...Молодые пили шампанское, смеялись, слушали музыку, танцевали, обнимались. Вечером и борщ пошел. Ночью Лида в пустой комнате на своем диване закрылась с головой, чтоб ничего не слышать, и неожиданно для себя тихонько заскулила в подушку. Плакать она не умела.

Катя всю ночь работала, спать легла под утро. Не уснула, конечно, толком. Ворочалась в вязком тумане из мыслей, тревог, обрывков собственного сценария, воспоминаний и чего-то, похожего на сновидения. Чертовщина, которую рождает уставший мозг. Она услышала, что громко хлопнула входная дверь, звякнула связка ключей, брошенная на полку, стукнула о пол дорожная сумка. Игорь приехал. Она отчетливо это понимала, но открыть глаза не было сил. А потом она все пыталась подняться, накинуть халат, встать, но руки и ноги ей не подчинялись. «Да я же сплю», – сообразила Катя, и тут Игорь влетел в комнату, наклонился над ней, затеребил, уколол лицо щетиной...

– Ой, я не могу проснуться, – пыталась спрятаться под одеяло Катя. – Ну, минуточку еще. Я сейчас.

– Никаких минуточек. Я очень соскучился. Это раз. Жрать хочу – это два. И вообще: прекрати зевать. Так не радуются мужу после разлуки.

– Я рада, – Катя, наконец, села и обняла Игоря за шею. – Просто я легла час назад. Меня куда-то затягивает.

– Тогда досыпай, – деловито решил Игорь. – У тебя есть тридцать минут. Я принимаю душ, завариваю кофе, делаю бутерброды, приношу в койку. Подходит?

– Ага, – Катя с удовольствием свернулась в клубочек. – Тридцать минут – это же настоящий подарок. – И она почти мгновенно уснула по-настоящему. Присутствие Игоря ее всегда успокаивало.

Проснулась она от запаха кофе и тостов с сыром. Поднос стоял посредине их широкой кровати, по другую его сторону, облокотившись на подушку, смотрел на нее своими светло-карими глазами Игорь, уже побритый, пахнущий шампунем и туалетной водой. Катя сразу почувствовала себя выпавшейся и отдохнувшей. Она повернулась к мужу, ясно посмотрела в его родное лицо. Странно, что за все время его отсутствия она почти не вызывала в памяти лицо Игоря, как когда-то, вначале. Столько всего навалилось... Зато теперь он здесь. И им, как всегда, никто больше не нужен. Он никуда сегодня не поедет. Катя тоже. Она даже отодвинет от них обоих свое смятение, свои запретные чувства, ту опасность, которая нависла над ними...

Они пили кофе, жевали тосты, Игорь рассказывал и показывал в лицах персонажей из своей командировки, Катя от души хохотала. Когда она хотела встать, чтобы отнести поднос на кухню, он мягко уложил ее обратно.

- Еще не все. Я, между прочим, дыню в аэропорту купил. Лежи.

Они смеялись и дурачились под дыню. Вдруг Игорь поставил тарелку на столик и, не в силах больше сдерживаться, крепко прижал Катю к себе. Она опустила расслабленно ресницы, спрятала лицо у него на груди, ей было уютно и тепло...

- Что-то не так, да? - Игорь резко сел и потянулся за сигаретой.

- Почему? Что с тобой? - Кате казалось, что она на самом деле не понимает, о чем он. - Мне хорошо с тобой.

- Конечно. Просто ты меня не хочешь. Ты не соскучилась.

Игорь сел, повернувшись к ней спиной, Катя на мгновение замерла в тоске. Что это? Зачем он? Потом подумала о том, что подобные упреки для Игоря - обычное дело. Ему постоянно кажется, что она его недостаточно любит, и он всегда об этом говорит. В результате они еще и ссорятся на эту тему, которую лучше всего не трогать. Кате надо срочно погасить ссору, успокоить его, разубедить, как всегда. Она встала на колени и нежно прижалась всем телом к его широкой, горячей спине. Ладонями провела по родному лицу. Он повернулся, глубоко-глубоко посмотрел ей в глаза... После этого она обычно растворялась в его любви... Что произошло на этот раз, она потом с отчаянием пыталась понять. Ее тело взбунтовалось. Она не могла изменить Олегу с собственным мужем! Что же делать, господи? Хоть бы телефон позвонил. И он позвонил.

- Да, - тихо ответила Катя. - Что? Что случилось, Олег? Как он? Что говорят врачи? Я не могу в это поверить. Но какие предположения у тебя, у милиции? Понятно, что никаких, но как же с этим быть... Да, иди. Я позвоню тебе потом.

Катя положила трубку, минуту собиралась с мыслями, потом сказала:

– Понимаешь, это Олег, ну, муж Милы, с которой я в больнице лежала. Тут такое случилось... Ты не представляешь. Мила умерла, следствие решило, что ее отравили. Теперь он звонит: сын его в реанимации, вроде бы его тоже отравили. Ты представляешь, какой ужас?

– Нет. Абсолютно не представляю, почему поголовное отравление родственников чужого мужика является таким ужасом для моей жены. В момент нашей встречи после разлуки. Я этого не представляю!

– Игорь, не заводись. Ты не прав. Это мои близкие знакомые. По-твоему, меня их трагедия вообще не должна касаться? Я очень хорошо относилась к Миле, знаю Стаса... Я жалею Олега, на которого такие беды посыпались.

– Серьезно? Может, вместе его пожалеем? Этого полковника, который над колясочкой жены-инвалида пожирал глазами мою жену? Говоришь, трагедия? Для кого? Для него? А по-моему, для него все очень здорово складывается. Милиция, о которой ты спрашивала, так не считает?

– Ты говоришь, как... – Катины губы побелели, – как... подонок. Извини, но это так.

– Это я подонок? – криво улыбнулся Игорь. Катя заметила, что его лицо осунулось за последние несколько минут. – Ну, значит, я подонок. Тебе же так проще жалеть настоящего мужчину. Кстати, он настоящий мужчина? Все забываю у тебя спросить.

Катя всхлипнула. Ей одновременно хотелось ударить его и броситься ему на шею. Как-то разбить этот ужас между ними. Но не было сил ни на то, ни на другое. Она молча сидела несколько минут, потом сделала над собой страшное усилие, положила руку мужу на плечо и постаралась сказать спокойно:

– Игорь, я не понимаю, из-за чего сейчас возникла ссора. Просто на ровном месте, поверь мне.

Игорь взглянул на нее потемневшими от гнева глазами, потом резко освободился от ее руки, встал.

– Да пошла ты, – выдохнул он, взял со стола тарелку с остатками дыни и с силой бросил ее на пол.

Затем вышел из комнаты, хлопнув дверью. Через пять минут грохнула входная дверь. Кате вдруг стало очень холодно. Ледяной страх, ледяное одиночество...

* * *

– Синильная кислота – это водный раствор цианистого калия, – говорил эксперт Александр Васильевич Славе, когда Сергей вошел в кабинет.

– Ну, я так и думал, точнее, не думал, а читал. Вот и Сережа, он, наверное, уже все разнюхал: кто из врагов семьи Калининых синильной кислотой балуется, – Слава с удовольствием посмотрел на Сергея.

– Я, собственно, к вам пришел за информацией. В следственные органы, грубо говоря. А вы, оказывается, на стадии общей теории. Кстати, Александр Васильевич, я вот о чем сейчас думал: а зачем убийце этот, как вы говорите, водный раствор? Я точно помню: читал у Агаты Кристи, как кто-то спокойно вынимает порошочек цианистого калия – и все. Конец объекту.

– Ситуация была упрощена автором. С порошочком в кармане могли лечь рядом объект и отравитель. Это тот самый газ, который был в газовых камерах...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/mihaylova_evgeniya/poslednee-prosti

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)